

Эмануил Ласкер

Борьба

европа

Серия «Идеологии»

Эмануил Ласкер

БОРЬБА

Москва
Издательство «Европа»
2007

УДК 37.03
ББК (Т) 63.3(2)6-7
Л 72

Серия «Идеологии» основана в 2005 году

Предисловие Вячеслава Глазычева
Перевод с немецкого Ирины Гиляровой

В оформлении обложки использована репродукция картины Уильяма Блейка «Солнце у своих восточных ворот», 1815 г.

Эмануил Ласкер
Л 72 Борьба / Пер. с нем. И.Н. Гиляровой. –
М.: Издательство «Европа», 2007. – 132 с. – (Идеологии)

Книжечка о борьбе – о теме, которую в эпоху нынешней европейской политкорректности не слишком принято обсуждать. Текст великого шахматиста, игру которого отличали тонкая стратегия и яркие комбинационные замыслы, глубокий анализ, высокая техника и психологический подход к сопернику. Замечания Ласкера о стратегии и тактике, о принципе экономии сил, о равновесии и превосходстве, о логике борьбы за существование и о принципе справедливости, несомненно, представляют интерес. Логика давно выброшена за рамки школьных программ, и знакомство с текстом Ласкера лишний раз позволяет заключить, что это, скорее всего, немалая потеря.

This tiny book is about struggle, a subject not readily discussed in the present-day European political correctness milieu. The author is one of the first great chess masters who know very well that the higher is a chess-player's skill the greater is his freedom. Lasker's comments on strategy and tactics, on principles of saving forces, on the logic of struggle for survival and the principle of justice are certainly interesting. Logics have been excluded from the school curriculum and an acquaintance with Lasker's book yet again suggests that this is probably a serious omission.

УДК 37.03
ББК (Т) 63.3(2)6-7

ISBN 978-5-9739-0096-0

© Гилярова И.Н., перевод, 2006
© Издательство «Европа», 2007

Серия «Идеология»

Эмануил Ласкер

БОРЬБА

Ответственный за выпуск *T. Рапопорт*

Художественный редактор *С. Захаров*

Дизайн-макет *студии chaykadesign*

Верстка *А. Монахов*

Корректоры *О. Кандидатова, В. Кинша*

Подписано в печать 13.11.2006. Формат 70×100 1/32

Гарнитура *NewBaskerville*

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,36.

Тираж 1500 экз.

Издательство «Европа»

119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1

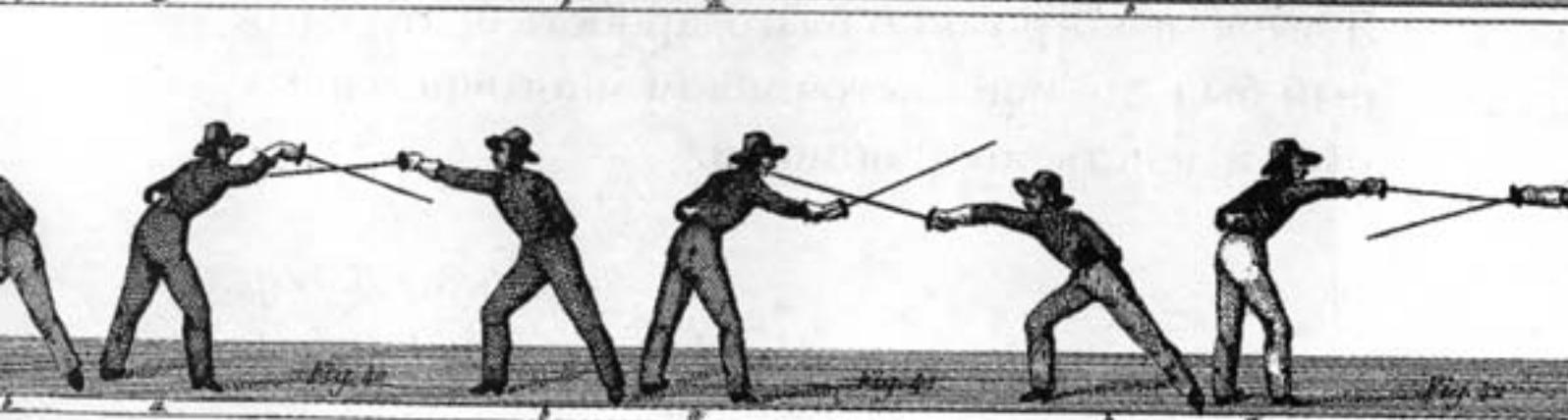
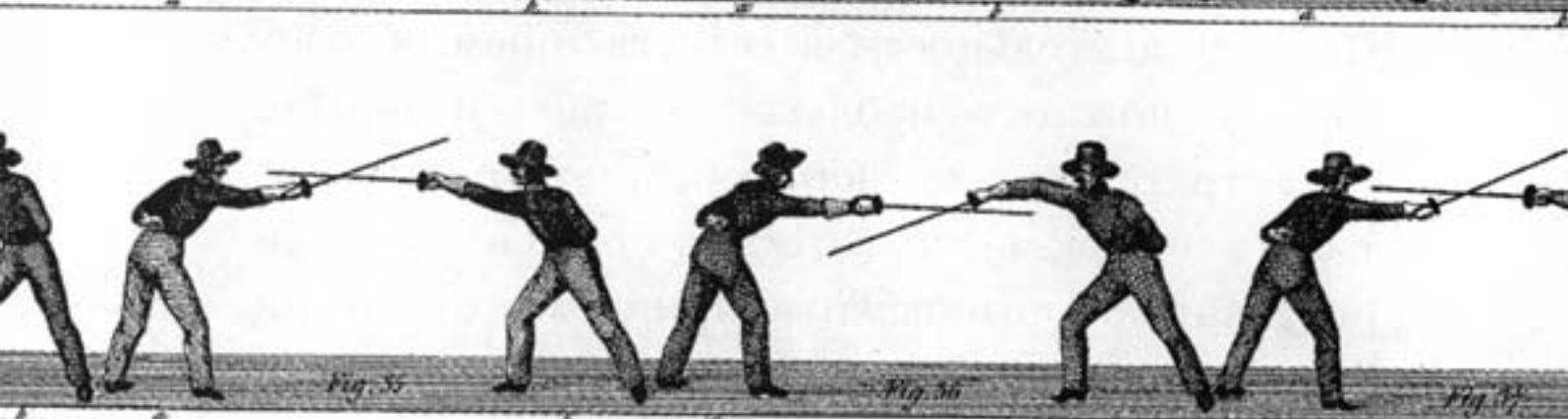
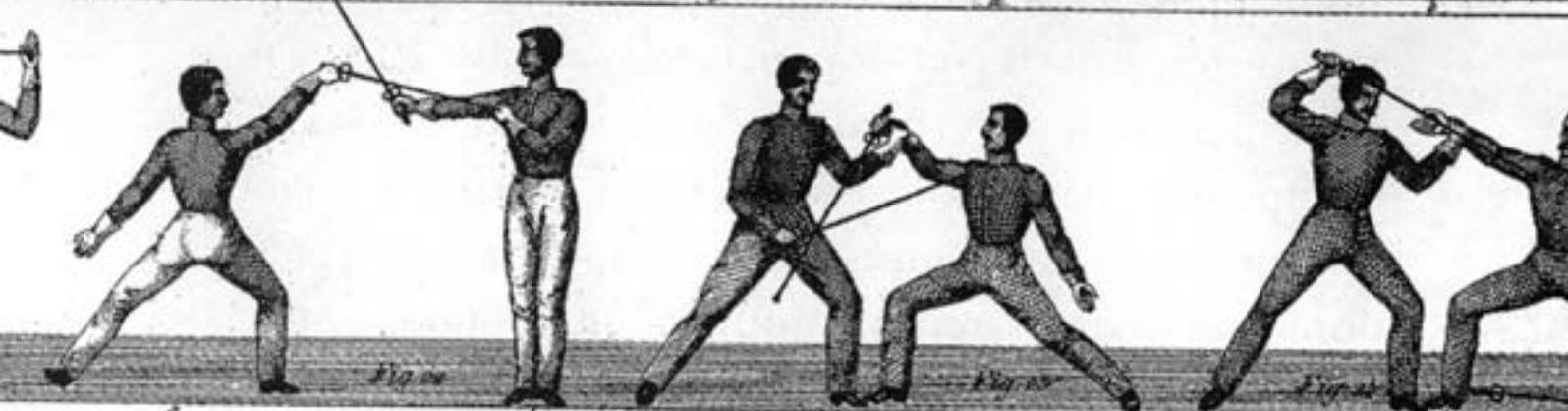
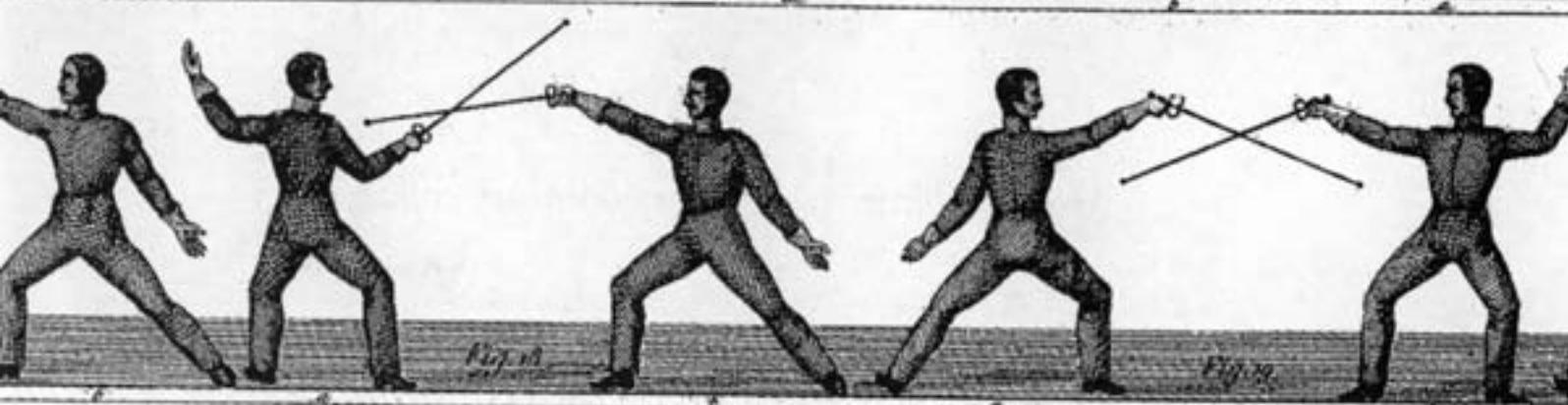
Тел. 745-52-25, факс 725-78-67

www.europublish.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии «Момент»

содержание

предисловие	
к российскому изданию	5
от автора	13
проблема	15
стратегия	27
принцип работы	51
принцип бережливости	59
равновесие и превосходство	69
принцип логики	
и справедливости	89
послесловие	125

C

уществует старое изречение: жизнь – это борьба. Среда и события, связанные с этой борьбой, влияют на развитие индивидуума и расы, как это подробно показал Дарвин. По Дарвину, раса есть результат сил, проявляющихся в борьбе предков за выживание. Отсюда становится ясным, что жизнь нужно объяснять через борьбу.

Тем не менее книга о стратегии борьбы не написана. Да, вполне возможно, что многие будут отрицать возможность науки о борьбе. Дело в том, что по-прежнему мистические представления о природе борьбы широко распространены, как и в те времена, когда считалось, что победой одаривает бог войны, а перед принятием важнейших реше-

ний спрашивали совета у богов, пытались их задобрить жертвоприношениями и после победы приносили им в дар благодарственные жертвы. Людям тогда казалось, что судьбами управляет не разум и справедливость, а повеление автократической власти.

Представление о зависимости человеческой судьбы от силы, не поддающейся анализу, принесло впоследствии много страданий. В период равноденствия древние нордические расы жертвовали солнцу своих первенцев, чтобы заставить светило повернуть свое движение вспять. Когда миссионеры доказали, что солнце возвращается само по себе, и объяснили историю Христа, то из праздника зимнего солнцестояния получился праздник Рождества. В нем сохранилась поэтическая оболочка скандинавского Рождества, его прежнее назначение уже забыто, лишь некоторые обороты речи и старые обычаи напоминают о человеческих жертвах, приносимых в дар богу солнца и богу урожая в праздник зимнего солнцестояния.

Когда человечество еще находилось в колыбели, все силы, от которых зависит

судьба человека, оно воплотило в человеко-подобные образы, которые действовали в воде, в воздухе, в огне, в лесу – в соответствии со своими капризами, злой волей и силой воображения. Там они играли в разные игры,

Справедливый судья не оставляет своим пристрастиям свободы. Он абсолютно справедлив, для него так лучше, ведь если у него нет пристрастий, то после того как он ознакомился с делом, его приговор предопределен.

любили и ненавидели и боролись друг с другом, как люди, пока навстречу им неторопливо не выходил медленно вырастающий сильный враг, который загонял их обратно в свою сказочную страну. Этот ужасный враг произвела сильных – справедливость.

Справедливый судья не оставляет своим пристрастиям свободы. Он абсолютно справедлив, для него так лучше, ведь если у него нет пристрастий, то после того как он ознакомился с делом, его приговор предопределен. Судья – это только олицетворенное выражение инстинкта, глубоко запрятан-

ного в человеческой душе. Даже дети и низшие расы, которые хотя и не способны вершить справедливость, способны ее чувствовать. Справедливость отца превращает его в глазах детей во владыку, которого они любят и почитают. Каждое несправедливое действие вызывает у них страх и уничтожает уважение. Кто объясняет детям, что справедливо, а что нет? Древний инстинкт, который всегда находился в конфликте с произвольным применением силы и за тысячелетия только усилился. Золотое правило: не поступай с другими так, как ты не хочешь, чтобы поступали с тобой самим, – это тот зародыш, из которого вырос и стократно разветвился инстинкт справедливости.

В древности были некоторые короли, которые являлись поборниками справедливости, как, например, мудрый и кроткий Хамураби и Авраам. То, что они оставались справедливыми даже в гневе, вызывало восхищение их современников. Огласив на Синайской горе десять заповедей, Моисей научил обычного человека жить по справедливости. Признак справедливости

бога чаще всего упоминается в Ветхом Завете. Это слово о справедливости всемогущего Бога должно было вселить бодрость духа в сердца угнетенных евреев, как зов из сказки. Для них это слово прозвучало как обещание лучшего будущего. Идея справедливости постепенно распространялась среди ев-

В древности были некоторые короли, которые являлись поборниками справедливости, как, например, мудрый и кроткий Хамураби и Авраам. То, что они оставались справедливыми даже в гневе, вызывало восхищение их современников.

реев, что нашло свое отражение в законах равенства и милосердия. И появился Иисус из Назарета, и святой Петр извергнул в мир огонь своих учений. В Нагорной проповеди Иисус сказал: «Возлюби врагов своих. Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую». В лодке во время бури он сказал: «Вы бедны верой, поэтому вы боитесь». Он обещал блаженство тем, кто справедлив к людям, и проклятие тем, кто поступает с людьми несправедливо.

Эти утверждения никогда не воспринимались абсолютно дословно. На поле брани христиане убивали своих врагов. Даже в те времена, когда они в большинстве следовали заповедям своей религии, через несколько сотен лет после ее появления, во время крестовых походов, они тысячами сжигали «еретиков», то есть инакомыслящее меньшинство. Можно себе представить, что такие деяния справедливы, но абсолютно немыслимо, чтобы это было проявлением любви.

Отсюда очевидно, что проповеди Христа следует понимать как призыв к равенству. Несложно открыть их истинное значение. Невозможно, чтобы эти требования стали нарушением заповеди справедливости. А справедливость не может удержаться от наказания. «Возлюби врагов своих» означает: будь к ним справедлив и люби их, если они справедливы к тебе. Ведь любить несправедливость противно самой человеческой природе. Даже грешник может любить своего справедливого судью. Изречение о пощечинах проповедует необычайную, поч-

ти сверхчеловеческую кротость. Равно как и другие проповеди Нового Завета требуют кротости и сдержанности, прежде чем возникнет обвинение, акт наказания или мести.

Слово о вере толкуется чаще всего неправильно. Очевидно, что никто не может принудить себя к вере. Такое принуждение так же маловероятно, как если бы розовый куст заставил себя приносить яблоки. Поэтому было бы в высшей степени несправедливо требовать веры, а тому, кто этому требованию не подчиняется, грозить вечным проклятием. Такой подход был бы весьма далек от кротости, проповедуемой Христом. Веруй в меня – означает веруй в справедливость жизни. В награду за это ты получишь блаженство. Ад и рай нельзя понимать как пространство, это следует осознавать как нечто духовное. Тому, кто справедлив к людям на земле, только тому одному Иисус обещал вечное блаженство.

Вполне возможно таким образом понимать изречения Христа, не искажая их. И в любом случае правда то, что, только если их понимать именно так, а не иначе, можно

будет буквально понять высказывания борющихся за жизнь бойцов и рабочих. Правда и то, что они, будучи поняты именно так, являются для борцов наиценнейшими советами.

Вера и надежда призваны выполнять в борьбе за существование большую задачу. Если наша жизнь сурова и трудна и заставляет нас сомневаться в самих себе, то надежда призывает нас подождать и постараться сделать все от нас зависящее. Если мы находимся под властью чудовищных сил и осознаем свою незначительность, то вера шепчет нам в ухо, что не следует бояться несправедливого наказания. Вера и надежда помогают успокоить сердце, если воля и разум не могут совладать с трудностями и нами овладевают сомнение и страх.

Ни одно существо не родилось без надежды. Надежда – движущая сила всей жизни. Но ведь множество людей живут без веры. Вера – это мужество после поступка, и поэтому она придает силу для совершения поступка, это миротворец, самый младший член семьи чувств. Вера есть убежденность в справедливости происходящего, это выражение доверия и самоотдачи. Так как вера по

своей глубинной сути основана на идее справедливости, то разделять ее может лишь то существо, которое проникнуто чувством справедливости. Тому, у кого нет веры, нельзя приказом помочь обрести ее. Вера должна вырасти, как растение. Она питается опытом, которого набирается человек, выполняя большую работу, переплывая океан на парусном судне, поднимаясь в гору по крутым отвесным склонам, принимаясь за поиск ценных истин, борясь со злыми силами.

То, что носит общее обозначение «вера», – явление иного рода. Это выродившееся растение, вызывающее чувство упования, но появиться оно может лишь через громадные страдания. Такая вера обещает блаженство, как это понимают дети, и грозит всем, кто не захочет сочувствовать, ужасной карой. Такая вера полна предрассудков и в основе своей несправедлива.

Вера, доверие к Господу, что он, тот, кто дает хлеб всякой малой птице, не забудет и человека, что к нему можно взывать лишь тогда, когда воля и разум сделали свое черное дело. Корабельщики, забывшие свои

обязанности, идут ко дну. Если же они старались изо всех сил, они должны верить и ничего не бояться. Вера – это миротворец в борьбе. Тот, кто не верит, тот духовно погибает в своих сомнениях и страхах. Его удел – быть несчастным.

Тот, кто по привычке отдается надежде и вере, не используя при этом ни волю, ни разум, тот нарушает заповедь справедливости. Потому что он предоставляет другим людям выполнять свою, необходимую для жизни часть работы в этом мире. Он зарабатывает хлеб свой насущный не в поте лица своего.

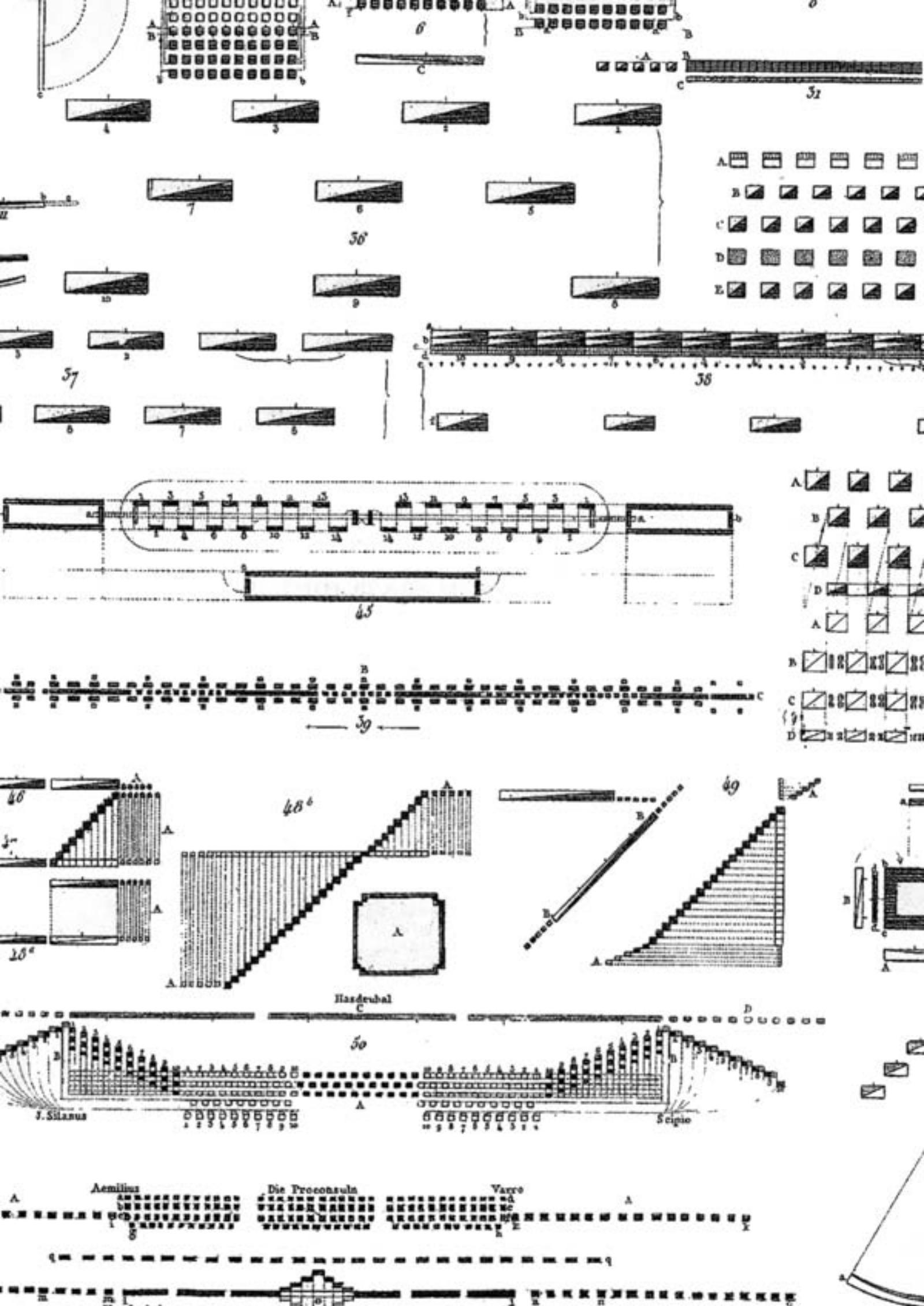
После того как Иисус Христос был распят, нашлись многие, кто захотел объяснить суть его образного языка, и распаленный человеческий мозг создал тысячи различных мнений. В конце концов простые прекрасные истины, содержащиеся в учении Христа, были снова запрятаны в мистические одежды. Было сказано, что милость Господа распространяется только на верующих. Но не весь ли мир является доказательством и носителем милости божьей? Многочисленные страдания появились в мире из-за этой мистики.

Савонарола начал борьбу против этой мистики. Он был истинным последователем учения Христа. Когда враждебно настроенные священники предали его огню и один мальчик добавил к связке хвороста еще одну палку, Савонарола воскликнул: «О, святая простота!» Каким бесконечно справедливым и кротким было это суждение мученика!

Из пепла Савонаролы возникли другие борцы. Многие из них пали, но на их место тут же вставали новые, высоко подняв светоч проповеди. Современности предстоит продолжить и завершить это историческое дело.

Мистическое рассмотрение жизни должно разрушиться, поэтому надо атаковать мистическое рассмотрение борьбы. Что такое борьба и победа? Подчиняются ли они законам, которые разум может осознать и установить? И какие же это законы? Вот в чем проблема.

B

военной науке обычно делают различие между стратегией и тактикой. Стратег приказывает выполнять определенные движения и маневры, тактик подчиняется приказам, не вникая в их причины. Тактик выполняет задачи, которые ставит стратег. Стратег должен знать целостную картину войны, тактик нет. Он должен лишь исследовать обстоятельства, которые облегчат решение порученной ему задачи, и взвесить их. Каким бы значительным ни казалось различие между тактиком и стратегом в войне, в принципе не так оно и велико. Ведь разница заключается лишь в объеме поставленных задач.

Война хотя и является очень интересной формой борьбы, но ни в коем случае

не единственной имеющей значение в жизни рода человеческого. Мир полон борьбы в самых разных ее видах, от больших и громадных до малых и мельчайших. Однако понятие борьбы надо расширить так, чтобы это соответствовало природе. Борьба возникает всегда, когда нечто живое хочет достигнуть своей цели, преодолевая сопротивление.

Со словами связаны определенные мыслительные процессы, и если кто-то хочет высказать новые мысли, он должен сформировать новые слова. Таким образом, можно допустить, что борьба для нас – это действие (*Machee*), и в этом смысле «живет» все то, что может развиваться и размножаться, например, животное, растение, раса, нация, клетка, орган, язык, чувства, идея и еще тысячи разных других вещей.

И вот тут возникает целый ряд вопросов. Что значит хотеть? И что такое цель? и т. д. и т. п. Здесь мы не намерены вдаваться в эти подробности. Возможно, однажды появится философ, который исследует эту проблему, выстроит строгую теорию действия.

В данной работе такая задача не ставится. Автору лишь хочется поделиться размышлениями, полезными для жизни. И этой цели он хочет достичь, затратив минимум средств.

Стратегию действия здесь следует понимать как совокупность всех рассуждений, способствующих объяснению или предвидению событий, связанных с действием. Тактика – это стратегия отдельного эпизода действия.

Борьба для нас – это действие, и в этом смысле «живет» все то, что может развиваться и размножаться, например, животное, растение, рода, нация, клетка, орган, язык, чувства, идея и еще тысячи разных других вещей.

В каждом действии есть центры воздействия, на войне это солдаты, винтовки, пушки, сабли, корабли и т. д. Назовем их стратами действия. Каждая страта оказывает различные воздействия и является многократной. Давайте назовем единицу каждого воздействия йонтом. Таким образом, воздействие страты – это комбинация различных йонтов.

Страты действуют и двигаются в окружении, которое присуще действу. Это окружение мы можем представить себе как пространство, хотя оно не всегда обладает качествами пространства. Назовем его «полем» действия. Поле оказывает большое влияние на действие, однако страты не могут воздействовать на поле. В пространстве поле действия представляет собой не зависящие от воли борцов обстоятельства, то есть их окружение.

Первое и самое значительное возражение, которое можно выдвинуть против попытки создать теорию действия, это бесконечное многообразие и неопределенность всех действий. Достаточно рассмотреть шахматную партию, чтобы доказать, как разнообразно может развиваться действие из заданного исходного положения. Легко поверить, что в этом многообразии невозможно уловить закономерность.

Но это, однако, заблуждение. Уже при обычной игре в шахматы видно, что выбор целесообразных ходов чрезвычайно ограничен. В игре мастеров это ограничение воз-

можностей еще заметнее, и чем дальше идет игра, тем сильнее становится ограничение выбора. В других действиях ситуация сходная. Если пианист средних способностей играет для музыкально образованной публики, то ему кажется, что он сможет это сделать очень разнообразными способами. А для Розенталя или Падеревского будет существовать лишь один вид интерпретации. Чем выше искусство художника, тем меньше его свобода.

Мы можем мысленно совершенствовать процесс до бесконечности, не теряя при этом логики. И таким образом добраться до ситуации, когда деятель вообще лишится выбора. Ему придется действовать так, как он действует, будучи вынужден подчиниться требованию высшей целесообразности.

Этих идеальных существ мы назовем «деятелями». Каждое из его действий будет называться либо конструктивным (позитивным), либо деструктивным (негативным). Процесс действия, если он конструктивен, предначертан. Но в этой фразе таится гипотеза, которая заслуживает более детального рассмотрения.

Очевидно, что поставленных целей можно достичь самыми разнообразными путями, как, например, в коммерции, где тот или иной товар можно купить и продать дороже или дешевле, с более скорой или более поздней доставкой. Но того, кто проведет свои торговые операции с наибольшей выгодой, назовут лучшим коммерсантом. И наконец, после завершения серии таких трансакций эта выгода обратится в денежные ценности.

Раса никогда не будет предпринимать усилий, если сопротивление не принуждает к этому. Если сопротивление или раздражитель исчезает, то орган, выполняющий функцию противостояния им, используется для других целей.

Каждому действу, происходящему в природе, можно подобрать параллель. Например, в ходе военного сражения генерал должен выполнить определенную задачу, но сделать это он должен таким образом, чтобы при окончательном подведении итогов его потери (страты и йонты) были бы минимальными.

То, что в действе играет главную роль, подобную деньгам в коммерции, будет названо действенной энергией.

Таким образом, деятели по своей натуре бесконечно бережливы в отношении энергии, которой они располагают.

Деятели существуют также в окружающей нас природе. Вероятно, атомы являются деятелями, потому что они подчиняются установленному Гауссом «принципу наименьшего принуждения» и разным другим принципам минимальности.

Инстинкт, вне всякого сомнения, является деятелем. Инстинктивные реакции растений и животных в отношении действующих на них раздражителей исключительно, можно сказать, бесконечно бережливы, если речь идет о расходовании энергии для жизни своей расы.

Раса никогда не будет предпринимать усилий, если сопротивление не принуждает к этому. Если сопротивление или раздражитель исчезает, то орган, выполняющий функцию противостояния им, используется для других целей.

бактерии, атакуют их и борются с ними. Количество и энергия белых кровяных телец идентичны способности крови защищаться от любого вторжения благодаря образованию типичной сыворотки, что является доказательством того, что способность к адаптации у них огромна.

Если один военный отряд угрожает другому, то этому другому надо подумать о прикрытии (защите) или признать преимущество первого.

Эти различные примеры показывают, что, с одной стороны, понимается под интенсивностью йонта, с другой стороны – что понимается под подвижностью (эластичностью, гибкостью, адаптивностью).

Мы будем называть эту подвижность «армостия».

Если один военный отряд угрожает другому, то этому другому надо подумать о прикрытии (защите) или признать преимущество первого.

Такая сохраняющаяся постоянная угроза выражается в «давлении». Пока сущест-

Ни один индивидуум, ни одна отдельная клетка не погибнут в борьбе, не предприняв усилий по спасению расы. Возьмем, например, такие явления, как акклиматизация расы к болезням, высокая температура, агония умирающих животных.

При создании нового индивидуума доля участия последнего поколения в перестройке процесса намного меньше. Эмбрион воспринимает чрезвычайно мало из опыта и адаптации последнего поколения. Таким образом, эмбрион проходит все этапы развития расы.

Вероятно, каждый отдельно взятый акт зрения, обоняния, осязания, слуха, чувства и мышления проходит за то короткое время, за которое он возникает, все этапы, свойственные зрению, обонянию, осязанию и т. д.

Я, по крайней мере, наблюдал, что даже отличные шахматисты, если их вынуждать играть очень быстро, так что они не успевают продумать свои ходы до конца, начинают играть, как новички. Первый импульс – сделать какой-нибудь ход, второй ход говорит уже о кой-каком мыслительном

прогрессе и т. д. Закон можно вывести даже без помощи эксперимента.

Потребление энергии для процессов преобразования, необходимых для жизни, всегда было и остается чрезвычайно экономным, в любое время и в любой момент, и принцип развития всей жизни подчиняется этой необходимости.

Способность страты проделать работу для целей деятеля зависит:

- 1) от интенсивности его йонтов в различных позициях, которые страта может занимать;
- 2) от подвижности страты, или от способности страты приспособиться к различным обстоятельствам, или легкости, с которой она может перейти от одного задания к другому.

Человек, лежащий с винтовкой и патронташем за песчаным холмом и стреляющий через амбразуру в нужную ему или увиденную им цель, представляет собой йонт то-

вует угроза, часть способностей вражеских страт будет затрачена на то, чтобы воспрепятствовать исполнению угрозы. Из-за этого давления свобода выбора противника уменьшается.

Определить стратегию деятелей часто является чрезвычайно трудной задачей.

Тем не менее в некоторых типичных случаях можно говорить о конструктивных (оптимальных) маневрах. И позднее мы будем в состоянии выделить также определенные классы деструктивных (ведущих к негативным результатам) маневров.

Если какая-то крупная сила приближается к малой, то последняя должна отступить в зону наименьшего давления. Любой другой маневр будет в этой ситуации деструктивным, так как встречное давление малой силы незначительно, поэтому лучшая стратегия более малой силы будет состоять в том, чтобы продать свое уничтожение как можно дороже. Это происходит благодаря отступлению в направлении зоны/точки наименьшего давления, так как там угрозы мощного противника будут минимальны.

го же вида, что и пулемет, который обстреливает это пространство. Интенсивность последнего однако же намного больше. Огневая мощь батареи после потери лошадей не меняется, но ее способность адаптироваться к изменившимся обстоятельствам в силу этих причин очень сильно уменьшается.

Человек, лежащий на земле под огнем противника, представляет собой мишень меньшей площади, нежели стоящий. Он абсорбирует больше действующего огня. Этот действенный йонт человека, *ceteris paribus*, является обратно пропорциональным площади мишени, которую он собой представляет.

Человек, стоящий при дневном свете в чистом поле, может двигаться более свободно, лучше использовать свою способность видеть, чем тот, что сидит на корточках. Стало быть, адаптационная способность первого больше, чем второго.

Чем многостороннее человек искусства, художник, тем большей способностью к адаптации он обладает.

Белые кровяные тельца набрасываются на проникающие в кровь вещества или

Если же малая сила уже находится в зоне наименьшего давления, то ей придется выждать. Тогда она будет находиться либо в ловушке, либо в крепости и пропадет, если другая сторона не окажет на врага встречное давление.

Если же, с другой стороны, давление на противника более слабой силой, благодаря стечению обстоятельств, все же значительно, то эта сила должна двигаться в направлении самой большой разницы давления.

В общем, все те угрозы и затем то давление, которые противник может оказать на точку или на положение вражеского войска, можно в общих чертах довольно легко показать. Это давление определяется усилиями или энергией, которые должен затратить противник, чтобы оптимально атаковать определенный пункт. Причем это давление будет обратно пропорционально затраченным усилиям.

Если А обладает малым воздействием, но большой армостией, а Б, наоборот, большим воздействием, но малой армостией, то стратегия Б и его давление на А долж-

но быть равномерно распределено по максимально большой площади, части которой связаны между собой, однако это давление должно быть распределено таким образом, чтобы оно повсюду было больше, чем встречное давление со стороны А.

Подвижность и приспособляемость со стороны А такова, что он будет в состоянии очень быстро сконцентрировать почти все свое воздействие в любой точке. Но если Б будет атаковать позиции А, то последний сумеет с легкостью уклониться. Следовательно, для Б лучше всего будет по возможности ограничить подвижность А, оказывая на него давление. Тогда он сможет (например, создав кольцо давления и постепенно сужая его) продолжить этот процесс, при благоприятных обстоятельствах – до полного уничтожения противника.

Особый, очень важный случай вышеописанного наступает тогда, когда А занимает положение, в котором он способен оказывать давление, достаточное для того, чтобы удержать Б от нападения, то есть А обладает большой армостией для обороны, но недо-

статочной для нападения. В таком положении у Б нет необходимости защищаться от нападения А, он должен сначала в некоторых точках позиции А создать повышенное давление, то есть продемонстрировать угрозу, а именно таким образом, что армостия А благодаря демонстрации угрозы уменьшится. У Б нет иной альтернативы, разве что вообще отказаться от атаки на А.

Примерами таких ситуаций на войне служат валы, рвы, колючая проволока, приближение к которым чревато сильным огнем со стороны противника. В шахматах такую роль играют цепи из пешек.

Случай, когда А имеет сравнительно сильную наступательную армостию, представлен конницей, миноносцами и подводными лодками. В истории выживания видов хороший пример такой страты представляет собой комар. В шахматах это, прежде всего, слоны и кони, которые способны создавать вышеописанные угрозы.

Если у А более крупная армостия, чем у Б, и он достаточно силен, чтобы напасть на Б, то ему следует, елико возможно, не дать

связать его силы, а свою более сильную армостию использовать прежде всего для оказания давления на самые уязвимые стратегии у Б.

Если же А выступит против Б без какой-либо подготовки, то от своего преимущества в армостии он не получит выгоды, так как обстоятельства, к которым Б сможет приспособиться хуже, чем А, просто не наступят. Если же А будет удачно оберегать свои стратегии от давления со стороны Б, то он будет ограничен в своих действиях незначительно и сможет быстро добиться благоприятного для него соотношения сил.

В этой связи приходит на ум, например, борьба пехоты против конницы.

Стратегии с небольшой армостией – независимо от того, что послужило причиной такого быстрого уменьшения по сравнению с их абстрактной оценкой, – чрезвычайно слабы в обороне и как бы приглашают соперника к наступлению.

Допустим, есть три группы: А, Б и В. Группы А и Б принадлежат к одной и той же партии, В – их противник. Группа А равна по

силе группе В или даже превосходит ее. У Б вообще почти нет армии (связанный по рукам и ногам великан). В этом случае группа В должна нанести удар по Б в самом уязвимом месте или создать угрозу такой атаки. Таким образом группа В окажет на А огромное давление.

Такой тип действий всегда очень важен, так как его влияние почти при каждом действии (Machee) ощущается в большей или меньшей степени.

Основное объяснение этого постулата состоит в том, что страты с небольшой армиией – независимо от того, что послужило причиной такого быстрого уменьшения по сравнению с их абстрактной оценкой, – чрезвычайно слабы в обороне и как бы приглашают соперника к наступлению. Деятель, в соответствии со своим определением, не может оставить неиспользованной возможность действовать и за счет этого получить преимущество. В то время, когда В направит влияние своих страт на Б, группа А также не будет бездействовать. Поэтому при нападении на Б группа А как можно быстрее выдви-

нет свои части против В, в частности, против тех частей, которые задействованы для нападения на Б. Разгорится борьба самых маневренных частей А против самых маневренных частей В. Группа В здесь перейдет в оборону, а против Б – в наступление. При этом малоподвижные части А и В останутся в роли зрителей.

Различные типы редко встречаются в чистом виде, напротив, в каждом действии и в каждой позиции они выступают в связке. Поэтому маневры «деятелей», учитывая такое смешение типов, будут отражать все описанные выше стратегические принципы сразу. Говоря математическим языком, это будут результаты различных простых маневров, каждый из которых выводится из сформулированных выше утверждений.

Это позволяет в общих чертах описать процесс действия (Machee).

Группа страт, которые имеют армостию, мало соответствующую их абстрактной оценке, так как на них уже оказывается большое давление, станет целью атаки противника. Точки, в которых противник оказы-

вает незначительное давление, но из которых страта может эффективно воздействовать на происходящее, станут подходящими площадками или опорными пунктами страты. В других точках страты смогут находиться лишь временно. Страты с большой оборонительной армостией будут использованы для того, чтобы образовать непробиваемый вал (кольцо, линию, щит или оболочку), задача которого обезвредить действие подвижных страт противника или (подобно ширме или зонтику) образовать зону с ослабленным давлением, в которой можно будет разместить собственные сильные страты с относительно малой армостией. А страты с большой и агрессивной армостией будут пытаться разрушить или хотя бы пробить сформированный таким образом вал противника.

Если вражеские страты удалены на большое расстояние, то есть их давление крайне незначительно, то «Деятель» – если он не может увеличить число своих страт или усилить их действие – все силы направляет на «организацию». Цель – уменьшение собственной обструкции (своего ро-

да трения), повышение армости благодаря перегруппировке страт и образование защитного вала против самых маневренных страт противника, главная цель которых – внести дезорганизацию. Процессы организации, дезорганизации и реорганизации идут постоянно.

«Деятель» – если он не может увеличить число своих страт или усилить их воздействие – все силы направляет на «организацию».

Чтобы привести примеры к предыдущему описанию процессов действия (*machischer Vorgang*), достаточно лишь взглянуться в жизнь.

В фехтовании ясно, что атака осуществляется острием шпаги, сама шпага служит для построения оборонительного вала, обычная начальная позиция должна быть сильнейшей армостью, глаз, кисть руки и стопы ног фехтовальщика представляют собой ценные страты, а корпус и голова требуют защиты. Ошибки в стратегии действия будут определяться состояни-

ем усталости, а также подвижностью глаз, кисти руки и стопы, движениями шпаги и кистей рук, усилием, необходимым для изменения этих движений, равно как и положением частей тела, подвергающихся опасности. Их можно точно исследовать, лишь только зная физиологические законы функционирования глаза, запястья и стопы. Когда это знание будет получено, теория фехтования сократится до чистой работы мозга, и тогда ее можно будет символически представить себе фигурами на шахматной доске. Чтобы овладеть искусством фехтования, нужно пройти тренировочный период, во время которого глаза, запястье, стопа и соответствующие нервы и клетки мозга «организуются», то есть, выражаясь обычным образом, усваивается техника фехтования.

Похожая картина наблюдается и в боксе. Здесь ядро нападения заключается в кулаке, кости самой руки служат для образования оборонительного вала или щита. Слабые места – это прежде всего определенное место на подбородке, а также нос и глаза.

Глаз и стопа здесь тоже представляют собой ценные стратегии, к ним добавляются мышцы руки. Некоторые другие мышцы, вес тела и, наконец, подвижность головы (позволяющая избегать ударов) также имеют значение. А вот запястье здесь никакой роли не играет.

Или давайте рассмотрим деятельность коммерсанта.

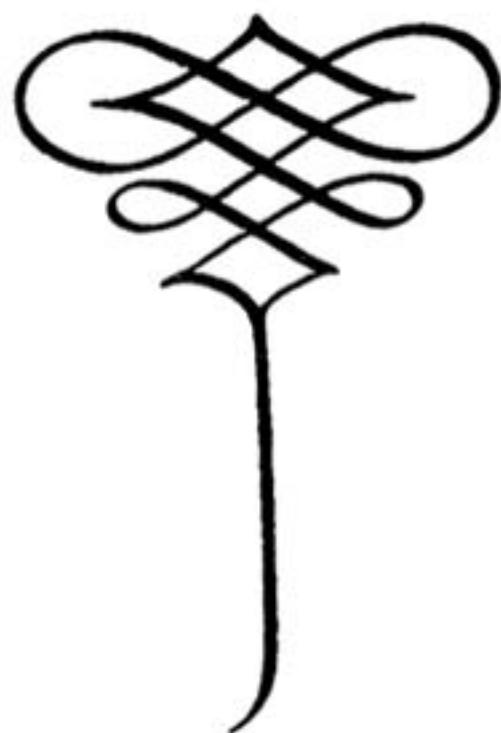
Польза, которую приносит его деятельность или его товары обществу, труд или денежная стоимость, которые они этому обществу сберегают, представляют собой стратегии, пригодные для атаки. Уведомление об этом в любой форме представляет собой рать маневренных стратегий, которые служат для атаки и высылаются в точки, находящиеся под сильным давлением противника.

Его деньги и кредит – это его армостия. Бухгалтерия – это защитный вал.

Враг – это то, что лучше.

Другие вражеские стратегии – это подлежащие решению задачи, как, например, получение заказов, отправка товаров и получение денег.

Деятель решает их в соответствии с принципом бережливости, который мы рассмотрим ниже. Поле деятельности здесь образуют потребляющее и покупающее общество, его законодательство и покупательная способность денег.

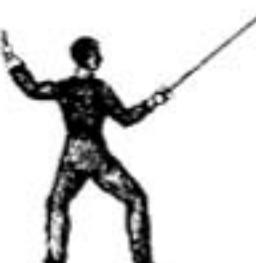
принцип работы

B

той мере, в какой страты берут под обстрел части поля действия, уничтожают воздействия вражеских страт, с помощью угроз уменьшают их армостию или вообще действуют в интересах достижения определенной цели, они совершают «действенную работу». Величину этой работы можно оценить с большой точностью. Хотя действенная работа – это не такое простое понятие, как работа машин. Измерить ее, по крайней мере в принципе, нетрудно. Физик знает некоторые формулы, чтобы точно определить механическую, тепловую, электрическую работу или работу других форм проявления силы. А в действе работа выступает в самых разнообразнейших формах. На войне это

количество вероятных попаданий пуль при обстреле. И если угроза огня ограничивает подвижность врага, то в принципе ее можно измерить как уменьшение воздействия противника. В боксе работа определяется по утомлению мышц противника. И поскольку каждая мышца в боксе имеет разную степень значимости, то, говоря языком математиков, она является линейной функцией усталости отдельных мышц. В шахматах это взя-

Гениальность деятеля основывается на его способности произвести имеющимся набором страт как можно большую работу. Поэтому деятель каждую минуту, каждый момент стремится к действию.

тие фигур, сохранение пути отступления короля и защита проходных полей, куда стремятся пешки, чтобы превратиться в фигуры. Ценность каждой из этих категорий в отдельности меняется по мере изменения ее положения незначительно. Из этих примеров видно, что приблизительно оценить работу всегда возможно, хоть и трудно.

Понятно, что успех войска страт целиком зависит от производимой ими работы. Чтобы победить, им нужно действовать. Было время, когда военачальники об этом забывали. Во времена Фридриха Великого они стремились победить с помощью всяких хитрых маневров, вероятно, думая, что если более ловкий стратег бьет менее ловкого, но имеющего небольшое превосходство в живой силе, то превосходный стратег сможет возместить большую разницу в живой силе благодаря умельм маневрам. Но все это имеет свой естественный предел, если противник не захочет выиграть тоже лишь только благодаря маневрированию, а будет постоянно стремиться к эффективному действию.

Гениальность деятеля основывается на его способности произвести имеющимся набором страт как можно большую работу. Поэтому деятель каждую минуту, каждый момент стремится к действию. Если у противника есть большие слабости, то есть его армостия мала, то он переходит в атаку. Если у противника сильная позиция, то он ослабляет вражескую армостию угрозой давления.

В любом случае маневры деятеля рассчитаны на то, чтобы чего-то добиться.

Назовем производимую группой страт работу их «ценностью» (стоимостью). Тем самым мы ни в коем случае не искажаем это слово. Ведь даже если мир неохотно признает принцип, согласно которому оценке подлежат люди и организации, кому захочется оспорить то, что в сущности имеется единственная объективная возможность определить стоимость (ценность), а именно приравнять ее к способности проделать определенную работу?!

Деятель будет получать от группы страт тем больше работы, чем выше их ценность. Это можно четко доказать. Предположим, в начале дела у деятеля есть выбор, какую из двух групп страт – А или Б он хочет присоединить к своим силам. Так как и А, и Б принесут деятелю выгоду лишь в той степени, в которой они окажутся ему полезными для решения его задач, то решение деятеля несомненно будет принято в пользу группы страт со способностью проделать большую работу. Но деятель не может ошибиться, так как он в

состоянии заранее рассчитать благоприятный для себя ход предстоящей борьбы. Поэтому он действительно извлечет большую выгоду из группы страт с большей способностью произвести работу.

Мы называем это утверждение принципом работы или принципом ценности.

Чтобы получить от набора страт большой эффект, нужно поручить небольшую задачу страте с невысокой значимостью. Дело в том, что обязанность выполнения задачи уменьшает армостию страты и тем самым уменьшает работу, которую она могла бы осуществить.

На самые сильные страты скорее всего и будет направлена атака противника. Это означает, что они должны быть так расставлены и защищены таким образом, чтобы их изгнание или уничтожение стоило бы противнику огромных жертв. Каждый маневр стоит усилий и должен компенсироваться либо усилением воздействия, либо приближением момента воздействия. При этом уменьшение воздействия со стороны противника должно учитываться как положительный фактор. Правильные маневры

дают максимальное соотношение между ростом воздействия и приложенными усилиями.

Чем выше способность к воздействию, тем больше усилие, которое должен предпринять противник, чтобы его избежать. Это и есть определение или аксиома, в зависимости от точки зрения, которой кто-то намерен придерживаться.

В обществе существует два основных метода вознаграждения: по способности произвести работу и по результату. Результат можно измерить. Определить способность гораздо труднее. Если критерием сделать способность, то мы откроем простор превратному толкованию, или ложному изложению фактов.

В обществе деятелей оба вида вознаграждения представляют собой одно и то же.

Общество, которое вознаграждает своих членов только за труд, превращается в общество деятелей. Эти вознаграждения вызывают трудовое усердие там, где оно наиболее полезно.

Кто думает, что имеет большие способности к труду, тому следовало бы попытаться добиться результата. Оригинальность

или недостаток таковой, способность что-то сделать «если бы захотел», критика того, как работают другие, мужество, вера в себя, чувство превосходства – это все не в счет. Важен только результат работы.

Общество, которое вознаграждает своих членов только за труд, превращается в общество деятелей.

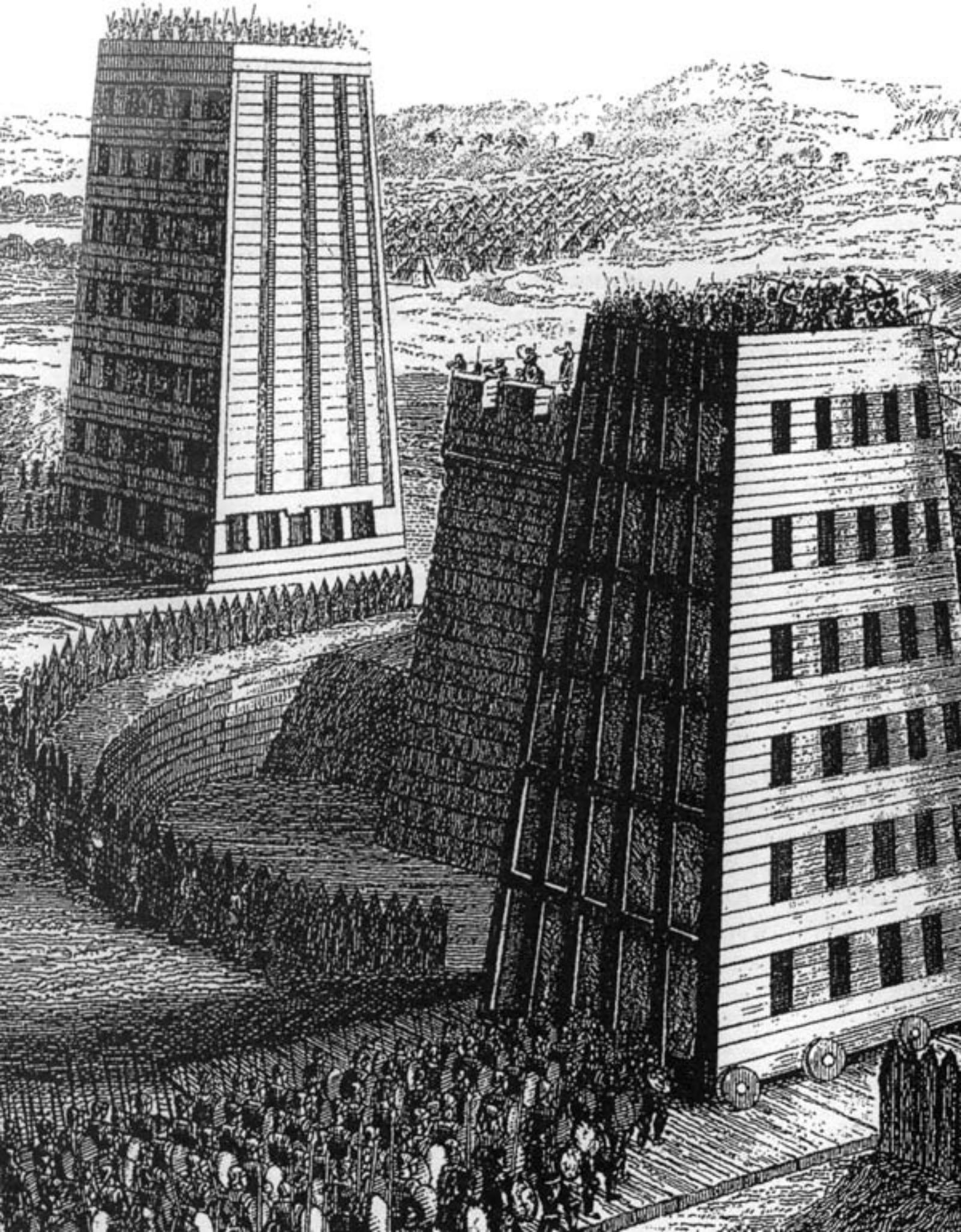
Строй, и если ты что-то сносишь, замени! Думай и действуй конструктивно, даже если ты обескуражен. Разрушать, не воздвигая – деструктивно.

Не характер человека порождает любовь и ненависть, а воздействие, приписываемое ему.

Познавай самого себя, потому что только тогда ты сможешь знать, на какие достижения ты способен или не способен.

Всегда задавай вопрос, каких усилий потребовало то или иное дело, и оценивай его соответственно.

принцип бережливости

B

соответствии со своей натурой деятель обращается с находящейся в его распоряжении энергией бесконечно бережливо. Поэтому тот, кто стремится приблизиться к деятелям, будет критически исследовать все возможные маневры, даже если единственный путь получения выгоды с наименьшими усилиями очевиден. Этот постулат настолько прост, что он звучит банально. Тем не менее ему следуют довольно редко. Ничто другое не характеризует посредственность точнее, как ее стремление дешево сорвать куш.

Соблазн к поспешному действию бывает особенно велик, когда противник готовит нападение. В этом случае велико искуше-

ние провести маневры, обеспечивающие безопасность. Но деятель не прибегает ни к одному из них, если только угрозы со стороны противника не вынуждают его сделать это. Дело в том, что, с одной стороны, любой оборонительный маневр поглощает энергию, с другой стороны, у противника отпадет необходимость вынуждать их и при этом тратить энергию. Он сможет направить свое наступление на новую цель, так как излишние оборонительные маневры приводят к возникновению изъянов.

Первым защитным маневром каждого действия является создание вала. Как следует из предыдущих рассуждений, деятель никогда не будет строить вал крепче, чем это необходимо. На поле действия он выдвинет вал настолько далеко, чтобы он мог только немного продержаться под натиском противника, который, принеся небольшую жертву, мог бы потеснить его. Следует заметить, что жертва обязательна.

Отказ от любой обороны, пока угрозы противника будут парироваться без всяких усилий, требует мужества и осмот-

рительности. Грозящая опасность должна быть точно проанализирована. Необходимо исследовать, существует ли реальная опасность или она только кажущаяся, и только после этого можно начать действовать.

Если необходим парад, то, соблюдая принцип бережливости, его надо проводить с наименьшими из возможных усилий.

Деятель абсолютно свободен от ощущения панического страха. Он всегда объективен.

Даже если деятель не может избежать потерь, он должен пытаться соблюдать принцип бережливости. Не впадая в уныние от возникших напастей, он по-прежнему должен быть в состоянии точно анализировать угрозы противника и действовать так, чтобы потери его энергии лишь ненамного превышали убыток энергии у противника.

Таким образом, деятель абсолютно свободен от ощущения панического страха. Он всегда объективен.

технике художника или к идее, на основе которой возникло это произведение искусства, но уже не к исполнению. Вместе с тем справедливым представляется вывод о том, что пропорциональность использованных средств и полученного воздействия является единственным масштабом – как этого и требует принцип бережливости, – которым творческая личность может воспользоваться в своем творчестве.

Понимание экономических произведений всегда сопровождается кипением чувств, которое бывает очень сильным, если на первый взгляд это произведение кажется не экономичным. Например, некие шутливые выражения (мнимые многозначности, кажущееся повторение слов, а на самом деле – четкость и краткость).

Если произведение грешит недостатком бережливости и благодаря этому читатель осознает часто допускаемые ошибки, то это выглядит юмористично, как клоунада, как длинные, составленные из красиво звучащих слов, но ничего не значащие фразы и карикатуры.

При обобщенности понятий, используемых в учении о действии, не должно удивлять, что эти постулаты применимы шире, чем это кажется на первый взгляд.

Правила, описывающие стратегию обороны, верны не только для единоборства или борьбы нескольких противников. Они действуют также, если человек сталкивается с какой-либо задачей. Поэтому ими может воспользоваться и художник, и ученый.

Для них высказанные постулаты представляют даже особый интерес. Дело в том, что активному художнику или мыс-

Любое нерациональное или ненужное усилие уродливо. А прекрасно (и научно) и непреходящее все то, что выполнено абсолютно бережливо.

лителю они могут послужить компасом, указывающим ему путь среди бесконечного числа открывающихся перед ним возможностей. Человек, охваченный творческим пылом, борется с идеей, которая требует либо выражения языком искусства, либо

строго научного исследования. Художник владеет техническими средствами своего искусства – словами, красками, звуками, образным материалом. Он намерен создать произведение, которое приведет эти чувства в определенное движение. Исследователь видит непонятное для него явление и хочет его объяснить. Поле действия – это эмоциональная или духовная жизнь общества. Если он – художник или ученый – соответствует идее в ее полном объеме, но прилагает при действии минимальные усилия, то есть действует оптимально, он создаст произведение искусства или совершил научное открытие. Любое расточительство воспринимается как уродство. Любое нерациональное или ненужное усилие уродливо. А прекрасно (и научно) и непреходящее все то, что выполнено абсолютно бережливо.

Один писатель предпочтет короткие фразы длинным, он выбирает слова и словосочетания с давней историей, а не более поздние словообразования, он использует разнообразные средства языка,

Несколько лет назад Вагнер написал книгу о простой жизни, которая произвела большое впечатление. Любое действие становится простым для выполнения, если оно соответствует принципу бережливости.

Простота – это признак объективного человека. Непростой человек либо не захочет, либо не сможет служить просто правде или делу. Его сложность – это доказательство того, что его цель состоит не в том, в чем он уверяет нас и, возможно, сам тому верит.

ности. Итак, простота – это признак объективного человека. Непростой человек либо не захочет, либо не сможет служить просто правде или делу. Его сложность – это доказательство того, что его цель состоит не в том, в чем он уверяет нас и, возможно, сам тому верит. Им движет другой мотив. Обычно сложность является следствием желания выставить напоказ, неважно – богатство или красоту. Однако настоящая красота подчиняется принципу бережливости, поэтому она проста. Законы приро-

не прибегая к повторениям, он находит ассоциации для перехода к новой мысли. Он будет избегать ненужной остроты образных средств. Ясно, что он таким образом очень бережливо обращается с интересом читателя. Актер, который намерен создать достоверный драматический образ с помощью слов и действий, будет резко индивидуализировать его с помощью жестов, мимики, выразительной речи только там, где это существенно облегчит зрителю понимание создаваемого образа. Если он будет делать это постоянно, он только утомит зрителя.

Кому неприятна мысль о том, что принцип прекрасного находится здесь под трибуналом анализирующего разума, того мы попросим почтить статьи признанных достойными критиков о произведениях искусства и их творцах. Критики ценят максимальную простоту средств, но одновременно полное раскрытие сюжета и требуют отсутствия всего того, что утомляет (отсюда: ясность, четкость характеров и понятность). Другие требования относятся к

ды также просты, как было сказано в древности: *simplex sigillum veri* (простой знак истины. – *Прим. переводчика*).

равновесие и превосходство

П

редположим, перед деятелем А стоит задача: создать угрозу для противника Б. Для этого он должен собрать войско страт и разместить их на выгодных позициях. Но при этом он должен действовать очень экономно, поскольку лишних йонтов у него нет. Что в этом случае произойдет?

Деятель не скажет: эта задача невыполнима. Будь у него много йонтов, он мог бы уничтожить Б. Но с небольшим количеством йонтов он не справится с этой задачей. Число йонтов, которое позволит ему найти решение, одновременно соблюдая экономию, находится где-то посередине между двумя этими крайностями.

Поэтому деятель постараётся узнать, какими силами располагает Б и какие позиции занимают его части, а также особенности той части поля действия, позицию на которой он должен занять. Тогда он сможет представить себе вероятную картину борьбы при столкновении с Б и соответственно оп-

Деятель не скажет: эта задача невыполнима.
Деятель постараётся узнать, какими силами
располагает Б и какие позиции занимают его
части, а также особенности той части поля дей-
ства, позицию на которой он должен занять.

ределить вид и число йонтов, которые ему потребуются. Он сможет учесть, как будут взаимодействовать его стратегии и таким образом ему будет легче соблюдать принцип бдительности.

Итак, он принял решение и получил в свое распоряжение силы, которые ему потребуются. Он приказывает им занять позицию с максимально большой армостью и ждать, когда Б начнет активные действия.

При таких обстоятельствах войска группы А будут находиться в равновесии действия с войсками Б. Группа Б не сможет получить превосходство над группой А, ведь в этом случае она понесет по меньшей мере такие же потери, что и А, поскольку деятель А не может ошибиться, решая задачу, имеющую решение, то есть он в полном смысле слова держит Б под шахом.

С другой стороны, А тоже не сможет получить превосходство над Б, пока Б действует оптимально, потому что в этом случае он понесет как минимум эквивалентные потери. Или же А придется нарушить требование экономности и использовать для достижения своей цели слишком большое число юнтов.

Это характерное состояние для равновесия действа.

Если А и Б находятся в состоянии равновесия и А получает превосходство в юнтах или в армостии, или же если Б несет потери в юнтах или в армостии, то А получает единственное превосходство над Б, то есть он получает выгоду. В этом случае Б дол-

жен избегать положений, в которых А может сосредоточить сильное давление на одной из частей группы Б. Поэтому ему нужны гораздо более мощный оборонительный вал, чем обычно, или же ему придется все время отступать.

Давайте перенесем приведенные выше рассуждения на действие, связанное с пониманием истины!

Мозг – это громадное количество клеток, а идея – не что иное, как процесс движения в этих клетках, по всей видимости, электролитического характера. Так как движения в природе бесконечны, идея медленно затухает, прежде чем проявится на лице и в других мышцах в виде улыбки, плача, в мимике и других движениях.

В ходе этого процесса она рождает ассоциированные идеи, подобно тому как тон рождает обертоны. Клетки мозга сопротивляются идее, и это сопротивление поглощает энергию, что приводит к перегруппировке внутри сопротивляющегося материала клеток и в конечном итоге к уменьшению сопротивления идее.

Конечный результат: нам кажется, что мы привыкли к идее или к возбуждению, которое она порождает.

Когда мозгу внушается какая-либо мысль, например, вербально или через действие, возникает комплекс двигательных процессов. Чем отчетливее внушаемая мысль, тем они сильнее, а их объем меньше. Слишком болезненный раздражитель вызывает массовое уничтожение клеток. Вследствие этого падает внимание и появляется отвращение.

Таким образом, передающаяся по нервным путям идея и ее отторжение находятся в состоянии борьбы.

Размышление – это мыслительный процесс, при котором для достижения поставленной цели используется поисковый аппарат. Подобно насекомому, которое вытягивает щупальца, чтобы исследовать ими местность, так и в мозгу специальный орган посыпает электрический импульс при получении раздражения, ставящего задачу.

Насекомое прекращает поиски, получив, по его мнению, удовлетворительный результат. Точно так же действует и челове-

ческий мозг. Потом его сковывает инстинкт, в котором накапливаются сведения об успехах и неудачах во время поисков, инстинкт этот в основном унаследованный, а не приобретенный.

Насекомое прекращает поиски, получив, по его мнению, удовлетворительный результат. Точно так же действует и человеческий мозг.

Идея как конструктивный раздражитель по определению и своей сути должна соответствовать задаче, используя минимальные средства. То есть получатель раздражения не должен испытывать ненужной усталости.

Вообще к процессам, протекающим между раздражением, или мыслью, и мозгом реципиента, применимы все стратегические рассуждения.

Равновесие действия наступает, когда раздражение еще терпимо, а мысль уже понятна.

С другой стороны, идея как раздражитель или мозг как реципиент побеждает

в зависимости от того, в состоянии мозг приспособиться к раздражению, или мысли, или нет.

Здесь вполне резонно привести следующее возражение: а как же случайность? Она в твоей философии существует? Или ты хочешь сказать, что случайностей вообще не бывает? Это банально. Разве случайность не есть важный фактор во всех областях жизни, ограниченный – а как же иначе – лишь незнанием? Или ты настолько самоуверен, что берешь на себя смелость писать от имени сверхчеловека?

Извини, дорогой читатель. Наверное, мне надо было с самого начала объяснить, как эти неудобные термины – «случайность», «удача», «невезение» – вписываются в мою философию.

Действительно, несмотря на всю свою осмотрительность, деятель тоже может пасть жертвой случайности. А то, что в принципе может случиться, иногда случается. Но событие, подчиняющееся случайности, подчиняется и теории вероятности. А эта теория гласит, что при безграничном

многообразии повторяющихся обстоятельств, которые делают событие возможным, число случаев его наступления приближается к определенному проценту от этих повторений.

Идея как раздражитель или мозг как реципиент побеждает в зависимости от того, в состоянии мозг приспособиться к раздражению, или мысли, или нет.

Поэтому если деятель А при решении ранее поставленной ему задачи, осуществляя действие, в котором случайность играет определенную роль, взвесил и все эти случайности и вероятность их наступления, то он будет держать Б под давлением (угрозой), поскольку опасность потерь для Б будет столь же велика, что и для А. И тот из них двоих, кто пред примет маневр, который по всей вероятности даст ему определенное преимущество, тот по описанным выше причинам понесет и потери, вероятная величина которых будет, по меньшей мере, равна вероятному преи-

муществу. Иными словами, если находящееся в состоянии равновесия действо в отношениях между А и Б будет часто повторяться, то полученные А преимущества будут столь же велики, что и у Б, но лишь до тех пор, пока Б действует правильно (оптимально). В противном случае они будут больше. Если же А будет иметь перевес, то в этих условиях полученная А выгода всегда будет больше, чем выгода, полученная Б, независимо от того, оптимально действует Б или нет.

Давайте в качестве простого примера этого рода рассмотрим рулетку и карточные игры.

Как показывают элементарные рассуждения, в рулетке в выигрыше остается казино. При большом количестве ставок оно выигрывает независимо от того, какие маневры совершают игроки.

Многие думают, что с помощью определенной системы у казино можно выиграть и что казино выигрывает только из-за отсутствия системы и из-за того, что в игре принимает участие большое число игроков.

ков. Но это заблуждение. При любой методике повышения ставок вероятность выигрыша увеличивается, но сам выигрыш остается небольшим и его, как минимум, уничтожает проигрыш всех ставок. Это хотя и маловероятно, но все же рано или поздно происходит.

Вообще не так важно, как именно делать ставки. В любом случае велика вероятность проигрыша. Он составит определенный процент от общей суммы сделанных ставок.

Игрок должен действовать так, чтобы его маневр принес максимальный «вероятный успех».

Все это легко изобразить математически. Разумно здесь вообще не делать ставок, потому что казино всегда выигрывает, и успех немногих нельзя сравнить с проигрышем большинства.

В таких карточных играх, как скат, вист или бридж, тот, кто сохраняет объективность, в конечном итоге и добивается ус-

пеха. До тех пор пока у игрока нет информации относительно распределения некоторых карт, он не должен упускать из виду ни одну из имеющихся возможностей. Он должен действовать так, чтобы его маневр принес максимальный «вероятный успех».

То есть он должен учитывать любое возможное распределение карт, рассчитывать выигрыш или проигрыш для каждой из этих возможностей в отдельности, вывести среднее арифметическое полученных величин – «вероятный выигрыш M » и из всех возможных маневров M предпочесть тот, который даст ему максимальный вероятный выигрыш.

Игрок, действующий таким образом, никогда не будет жаловаться на невезение или впадать в эйфорию при выигрыше. Он всегда предвидит то, что произойдет.

В таких играх мы имеем дело с равновесием действия. После большого количества игр хорошие игроки, часто играющие вместе, будут в небольшом плюсе или минусе по сравнению с поставленными суммами.

Случайность имеет большое значение в бизнесе. Государство разрешает страховым компаниям иметь «вероятную выгоду», которая позволяет им покрывать деловые издержки, компенсировать предпринимательский риск и выплачивать дивиденды. При неблагоприятном стечении обстоятельств страховые компании могут обанкротиться. Но у тысяч таких компаний дела идут отлично.

Полученные знания защищают от опасности быть обманутым или обмануться в своих ожиданиях, они позволяют действовать уверенно и энергично.

Бизнесмен часто имеет возможность участвовать в риске. Судьбу предприятия редко можно предсказать. В лучшем случае предприниматель может более или менее точно рассчитать вероятную прибыль предприятия и сравнить ее с той выгодой, которую ему могут принести другие возможности использования капитала или кредита.

В тех случаях когда приходится учитывать совершенно неизвестные факторы,

надо прилагать максимум усилий, чтобы получить информацию о них. Если ситуация позволяет действовать без спешки, глупо идти на риск без подготовки. Ведь полученные знания защищают от опасности быть обманутым или обмануться в своих ожиданиях, они позволяют действовать уверенно и энергично, например, на бирже.

Обстоятельства и тактические меры, о которых мы только что говорили, повторяются во всех действиях, в которых случайность играет свою роль. Во всех таких обстоятельствах большую практическую ценность имеет разведка и оценка вероятности ожидаемых событий. Однако это обстоятельство никак не влияет на рассматриваемые нами принципы стратегии. Они остаются неизменными, даже если случайности меняют оптимальную линию действия.

После наступления случайного события деятель продолжает действовать в соответствии со своими стратегическими принципами. Случайное событие не вызывает в нем никаких эмоций, так как он учел возможность его наступления. А если число

страт очень велико, как, например, на войне, то случайность действия (число попаданий при стрельбе, распространение паники и т. д. и т. п.) можно с большой точностью определить с помощью средних величин и таким образом практически полностью исключить случайность.

Здесь стоит вспомнить об одной человеческой слабости, которая нередко мешает человеческому счастью и одновременно показывает, какое значение имеет глубокое изучение стратегии.

Те многие тысячи людей, которые жертвуют своим достоинством и нередко счастьем, тратя время и силы на совершенно бесполезные азартные игры, являются жертвами ложных рассуждений. Создается впечатление, будто они просто одержимы риском. Но нет, ими движет вера в ими же самими созданный метод.

Я разговаривал со многими умными людьми, которые были убеждены в совершенстве своего метода игры в карты или в рулетку, пари на скачках или игры на колебаниях биржевого курса, хотя при критиче-

ском рассмотрении этого метода их заблуждение было совершенно очевидным. Но мне еще ни разу не удалось разубедить ни одного из них. Их система становится для них своего рода фетищем, они боготворят ее, а возражения тех, кто указывает на ее недостатки, воспринимаются в штыки. В глубине души каждый игрок поклоняется такому идолу, хотя при этом он, как язычник, периодически заменяет одних богов на других. В тот момент, когда один идол низвергнут, игрок прекращает предаваться

В глубине души каждый игрок поклоняется идолу, хотя при этом он, как язычник, периодически заменяет одних богов на других.

своей страсти – до тех пор, пока не создаст себе нового бога. Тогда им снова овладевает надежда легко и быстро обогатиться.

Такой метод есть не что иное, как должно понятая стратегическая мера. Разве может человек, понявший стратегическую истину, не оказать серьезного сопротивления такой ложной вере? Ответ очевиден.

Как же использовать имеющийся перевес, если противник не думает отступать?

В общих чертах методика такова: если у противника небольшая армостия, а у нас достаточно времени, надо постараться максимально снизить его подвижность. Мы должны заставить его предпринять атаку отчаяния. Если времени мало, то мы начинаем энергично атаковать противника после того, как его армостия уменьшилась. Если же у противника большая армостия, то ее следует уменьшить. Для этого мы прибегаем к угрозам, от которых противник вынужден защищаться. В результате часть сил каждой из сторон оказывается частично или полностью «скованной». Путем дальнейших угроз, особенно против защитных порядков противника, мобильность и сопротивляемость которых и так уменьшились, мы приводим его с созданию новых прикрытий. Если после продолжения этого процесса армостия противника почти истощена, а у нас еще остаются свободные силы, то они и решают исход борьбы: мы атакуем слабое место противника, защита которого оказывает-

ся невозможной. Таким образом можно одержать решающую победу.

В качестве примера можно привести, например, философскую или юридическую дискуссию, где имеющая превосходство сторона вначале добивается решения некоторых вопросов в свою пользу, что ограничивает участников дискуссии в выборе аргументов. В конце концов решающим оказывается ставший неопровергимым аргумент.

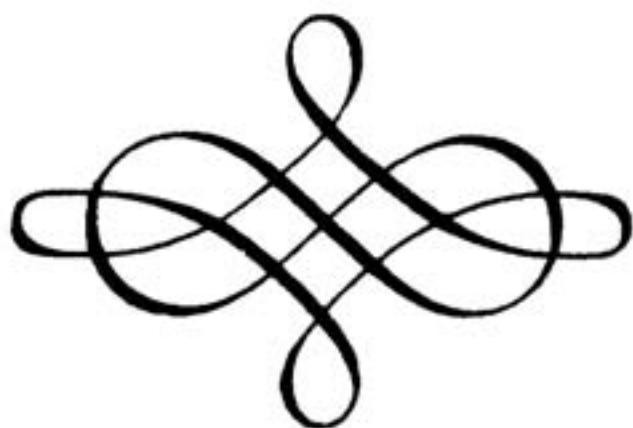
Только что описанный процесс будет облегчен для стороны, имеющей превосходство, если равные силы соперников связывают или уничтожают друг друга. Следовательно, более слабая сторона должна избегать связывания равных сил.

В фехтовании, боксе, джиу-джитсу и т. д. связывание сил заключается во взаимном обессиливании противников. Поэтому более сильному участнику выгодно постепенно обессилить своего соперника, выполняя угрожающие маневры, для защиты от которых обороняющейся стороне потребуется примерно столько же энергии, сколько наступающей стороне необходимо для де-

монстрации угрозы. Атакующие действия более слабого противника, с надлежащим прикрытием, только ускорят процесс уставания, так как при оптимальном поведении превосходство одной стороны не может поколебать никакой маневр другой стороны. Из-за того что у соперников постепенно устают глаза, ослабевает способность критически мыслить и т. д, увеличиваются возможности для атаки.

Например, в фехтовании зрение соперников к концу поединка ослабевает, они не могут так же энергично и быстро двигать рукой, как в начале поединка, поэтому более сильному сопернику выгодно занять несколько рискованную позицию, увеличивая мощь ударов и количество угроз. И чем сильнее устают соперники, тем активнее действует хороший фехтовальщик, чтобы выглядеть более агрессивным. При этом в соответствии с нашими рассуждениями о стратегии фехтовальщик во время атаки должен учитывать слабости соперника, т. е. наносить такие удары, для защиты от которых сопернику, находящемуся в состоянии устало-

сти, придется приложить максимум усилий. Если ему удалось усыпить внимание соперника с помощью повторяющихся в одном ритме одинаковых ударов, то при атаке он должен воспользоваться отсутствием концентрации у противника, т. е. молниеносно менять ритм.

ПРИНЦИП ЛОГИКИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Д

авайте представим себе пересеченную местность, на которой на определенных позициях дислоцированы войска противников, состоящие из конницы, пехоты, артиллерии и любых других родов войск. Они оказывают друг на друга воздействие, совершают определенные маневры, идут в атаку со штыками, копьями и саблями. Короче говоря, давайте представим себе поле боя! Такой бой является отражением действия. Перед нами стоит задача проанализировать ситуацию.

В каждый момент времени, даже если этот момент очень маленький, например одна миллионная доля секунды, каждая из сторон совершает определенные усилия.

Что же мы увидим, если рассмотрим такой момент? Над полем боя летит несколько пуль, слегка сокращаются мышцы, один солдат падает, другой стреляет, в голове полководца возникает стратегическая идея, продвинулась вперед повозка с боеприпасами, готовится путь к отступлению и т. д. и т. п. Ситуация меняется минимально.

Совокупность всех мельчайших действий одной стороны мы назовем «мини-маневром». Каждая из сторон в каждый момент времени совершает мини-маневр.

При оптимальном действии каждое воздействие в отдельности направлено на достижение наилучшего результата.

Производимое воздействие имеет определенную направленность. Например, огонь каждого ружья и каждой батареи направлен туда, где цели расположены ближе и плотнее. При оптимальном действии каждое воздействие в отдельности направлено на достижение наилучшего результата. При почти оптимальном действии воздействие на-

правлено на достижение результата, близкого к наилучшему.

Поэтому каждый бой состоит из целого ряда мини-боев. Солдат сражается с солдатом, отряд с отрядом, батарея с батареей и т. д.

Каждое оружие в каждый момент времени должно действовать на конкретной ограниченной территории, на которой выгода его действий будет максимальной.

Давайте теперь разложим бой на составные бои. Конечно, их число может быть очень различным. Для ясности и краткости давайте исходить из числа сто. Итак, сто отрядов одной стороны, мы назовем их $A_1, A_2 \dots A_{100}$, воюют против ста отрядов другой стороны B_1, B_2 и т. д. A_1 оказывает воздействие на B_1 , A_2 на B_2 и т. д. A_1 не оказывает воздействия на B_2 , потому что в данной ситуации и в данный момент B_1 представляет для A_1 гораздо лучшую цель.

Следовательно, мы раскладываем бой на составные бои, исходя из принципа достижения наилучшего результата.

Допустим, A_1 имеет превосходство над B_1 . И мы знаем, что у A_1 есть средства

для реализации этого превосходства. Это значит, что B_1 испытывает давление, которое в конечном итоге заставило бы его уйти в глухую оборону или отступить, если бы он в своих маневрах не учитывал интересы своих товарищей. Если B_1 последует своим эгоистическим устремлениям, то значительная часть воздействия A_1 , которое испытывает B_1 , высвободится, и A_1 сможет обратить его против B_2 , B_3 ... и т. д.

Следовательно, B_1 не только находится под давлением воздействия A_1 , но и должен исполнять определенную функцию ради положительного исхода всей борьбы.

A_1 также испытывает двойное давление. Если он ограничится оптимальными действиями против B_1 , то его превосходство скажется слишком поздно или не будет столь существенным. Поэтому A_1 должен подчиняться также альтруистической необходимости, зависящей от ситуации на поле боя.

Предположим, нам известно любое возможное развитие борьбы между A_1 и B_1 . Понимание – это объяснение сложных вещей через простые. Следовательно, для того что-

бы понять суть действия между войсками $A_1 \dots A_{100}$ и войсками $B_1 \dots B_{100}$, надо понять суть действия A_1 против B_1 , A_2 против B_2 и т. д.

Поскольку A_1 имеет преимущество над B_1 , рано или поздно B_1 необходимо оказать помощь. Сторона А угрожает стороне Б в конкретном бою A_1 против B_1 , и защита от этой «угрозы» — одна из функций B_2, B_3 .

Угрозы заставляют противника совершать определенные маневры. Каждому мини-маневру соответствует мини-усилие. При сокращении мышц устает сердце, при этом усталость зависит от расхода энергии. Если внимание сконцентрировано на одной цели, то нужно время и нервы, чтобы переориентироваться на другую цель. При стрельбе уменьшается количество патронов. При сближении с противником мощь его огня увеличивается. Если вы позволили ему себя заметить, то ему будет легче произвести разведку ситуации, то есть он сможет стрелять прицельно. Итак, во-первых, при маневре совершается физическое усилие, во-вторых, во время действия воздействие противника усиливается и, в-третьих, расходу-

понимает и на который отвечает ответным маневром.

Язык маневров, как и всякий язык общения, состоит из лексической и грамматической части. Каждый элементарный маневр – это слово, цепочка таких маневров – предложение, выражающее определенную мысль. Во многих живых языках используются одни и те же слова и сочетания мыслей, так же и во всех действиях используются предложения, которые в принципе имеют одинаковую фор-

Маневр – это своего рода аргумент противостоящей стороны, аргумент, который он понимает и на который отвечает ответным маневром.

му. Чтобы это выяснить, надо оставить без внимания все второстепенное и учитывать только характерные условия действия.

Для того чтобы определить эти характерные условия, надо узнать слабые места противника, а также понять, какое воздействие оказывают стратегии и какое давление оказывается на отдельные точки поля, на котором разворачивается действие.

ются средства воздействия (например, патроны). Все это мы объединяем в понятие «усилие». Очевидно, что продуктивность солдата, вооруженного ружьем, патронами, штыком и т. д., можно определить, сравнив его с другими сходным образом вооруженными солдатами. Эту величину можно измерить. В каждый момент времени продуктивность зависит от различных факторов (например, от количества патронов, от физического состояния солдат и т. д.). Со временем она меняется. То есть данная функция связана со временем и рядом других факторов. Усилие снижает продуктивность той стороны, которая выполняет это усилие, и увеличивает продуктивность другой стороны. То есть усилие – это уменьшение собственной продуктивности плюс увеличение продуктивности противника. Итак, эту величину можно измерить, и она зависит от времени и от ряда других факторов.

Каждому мини-маневру соответствует изменение, обычно это увеличение разности воздействия обеих сторон. При приближении к противнику наше воздействие

усиливается. Если мы нашли хорошее укрытие, то воздействие противника уменьшится. Если мы заняли позицию на фланге, вероятность попадания пуль увеличится.

То есть в результате мини-маневра в целом наше воздействие увеличится, а противодействие противника уменьшится, и в любом случае воздействие немного изменится.

Нередко маневры требуют жертв, оставаясь при этом оптимальными. Когда кавалерийский отряд начинает атаковать батарею, он вначале несет очень большие потери. Кавалерию косят пули. Если же кавалерии удалось достичь цели, это значит, что батарея противника потерпела поражение. Канониры вынуждены отступать, или их поражает копье или сабля. Поэтому оптимальные мини-маневры не всегда выгодны. Они выгодны лишь в том случае, если продуктивность в результате повышается.

Следовательно, каждому бесконечно малому маневру соответствуют определенная цель, желание, задача, которые необходимо выполнить. И такое же желание, такая же задача соответствует всему ряду маневров, ко-

Слабость – это некая продуктивность, то есть солдаты, ружья, лошади, пушки и т. д., размещенные таким образом, что они привлекательны для атаки противника. Если усилие, необходимое для атаки на слабое место противника, велико, то соответствующая часть войска находится под маленьким давлением. Чем меньше усилие, тем больше давление на войско противника. Давление, которое А оказывает на конкретную точку, обратно пропорционально усилию, которое А должен предпринять, чтобы оказать на эту точку определенное воздействие или, скажем, единицу воздействия. То есть давление тем меньше, чем лучше защищена местность вокруг точки, чем дальше находится А и чем труднее для А приблизиться к этой точке или так или иначе усилить свое воздействие на нее.

Фактическое воздействие А на точку зависит от того, занята эта точка противником или нет и насколько слабы расположенные там войска.

Следовательно, есть существенная разница между фактическим воздействием, то есть между действиями стратегии в конкрет-

торые лишь в конечный период времени составляют один большой маневр. Задача, которую ставит перед собой А₁ в борьбе против Б₁ – мы называем ее элементарной задачей и исходим из того, что вид и ход ее решения известны, – отчасти зависит от действия между А₁ и Б₁ и отчасти от функции, которую исполняет А₁. Поэтому она является частью плана А₁, который участвует в ведении боя А в рассматриваемый период времени.

Например, если А₁ несмотря на свое превосходство над Б₁ отступает, то этот маневр говорит о том, что А планирует упредить атаку на А₁, или перенести направление главного удара на другую часть поля боя, или же вообще отступить. Или если А₁ активно атакует Б₁, это значит, что А стремится заставить Б₁ оказать помощь Б₁ и таким образом ослабить состоящий из боевых отрядов и резервов Б₂ ... Б₁₀₀.

По маневрам противника деятель может разгадать его планы и понять его намерения. Он понимает язык маневров. Маневр – это своего рода аргумент противостоящей стороны, аргумент, который он

ный момент, и давлением, которое она оказывает на все точки поля действия. На точку оказывается давление, и при этом не важно, занята эта точка противником, или нет. Противник неохотно занимает точки, на которые оказывается большое давление, и так же неохотно проходит через зоны, на которые оказывается большое давление. Поэтому величина давления, оказываемого обеими сторонами в разных точках поля действия, сильно влияет на маневры противников. Эти величины отражают представление полководца о ситуации на поле боя в цифрах, то есть очень точно. Полководец воспринимает поле боя только как отношение между различными величинами давления. Это относится к любому действу, нужно только эти рассуждения воспринимать как параболу.

Нет причин отрицать возможность строго математического расчета всех этих величин. Дело в том, что во всех известных действиях у полководца по мере приобретения опыта и умения вырабатывается своего рода «глазомер», или инстинкт, состоящий в способности принимать решения, которые

позволяют ему быстро и в то же время довольно точно оценивать эти величины. Это умение поддается совершенствованию. Это предположение ни в коей мере не абсурдно. Следовательно, будет вполне логично предположить, что все три описанных выше показателя – слабость, воздействие и давление – имеют точное математическое выражение.

Итак, допустим, нам известны эти величины, допустим, что мы также определили, как изменятся эти величины в результате тех или иных возможных маневров. Тогда мы можем создать своего рода словарь маневров, независимо оттого, что из себя представляет данное конкретное действие. Ниже мы приводим различные предложения и даем их перевод на язык маневров.

Я разворачиваю свои силы.
Цель маневров – равномерное распределение давления.

Я атакую слабое место А. Концентрация воздействия на А.
Я буду атаковать А. Концентрация давления на А.

Я занимаю оборонительные позиции. Самые слабые силы перебрасываются в те места, на которые оказывается наименьшее давление. Линия, на которую противник оказывает наибольшее воздействие, имеет мало слабых мест, противнику трудно собрать сведения о них, и они очень мобильны.

Я угрожаю уничтожить части А. Давление на А достигло такого размера, что достаточно небольшого усилия, чтобы уничтожить его подразделения.

Это мнимая угроза. Спокойное развертывание сил или полное бездействие, несмотря на концентрацию давления противника на слабое место.

Я отступаю и таким образом ухожу от твоей угрозы. Переброска слабых сил, которым угрожает противник, в места с маленьким давлением.

Я сопротивляюсь твоей угрозе. Маневры, существенно увели-

чивающие усилие, которое противник должен совершить для реализации своей угрозы.

Если ты исполнишь свою угрозу, то себе же и на вредишь. Мы отвечаем своей угрозой на слабое место противника, для защиты от которой необходимы стратегии, которые он использует для атаки.

Я собираюсь атаковать тебя. Концентрация давления на многочисленные слабые места противника. Ты не можешь ожидать, что твоя атака будет успешной. Разворачивание войск и незначительная концентрация давления на слабые места противника.

Моя атака предвосхитит твою атаку. Мы не даем противнику возможности концентрировать свое давление, проводя собственную ответную атаку.

Ты сильнее меня. Отступление в места с более слабым давлением.

Я отступаю, но будь осторожен. Медленное отступление с одновременной концентрацией давления на точки, с которых противник может оказывать сильное давление.

Я буду атаковать тебя позже. Операции, целью которых является уменьшение армостии противника.

Возможно, я буду атаковать тебя. Страты, имеющие сравнительно небольшое значение, занимают точки с низким давлением, откуда они могут оказывать сравнительно большое давление.

Позже я буду обороняться, не отступая. Уменьшение давления в будущем за счет создания защитных укреплений.

Я продержусь довольно долго. Наши очень мобильные страты занимают точки с маленьким давлением, из которых можно оказывать сильное воздействие.

Я собираюсь отступать. Мы посыпаем страты с небольшой армо-

стией в удаленные точки с небольшим давлением.

Я ставлю все на одну карту. Большая концентрация давления на одно слабое место противника, при этом операции ведутся через зоны большого давления. Полное пренебрежение к будущим угрозам противника.

У меня те же права, что и у тебя. Мы имитируем маневр противника в сходных условиях.

У меня больше прав, чем у тебя. Имитация маневра противника в более благоприятных условиях.

Твоя атака потерпела неудачу. Мы атакуем подразделение, оказывающее на нас большое давление, и заставляем его отступать.

Моя атака потерпела неудачу. Страты, оказывавшие сильное давление, перебрасываются в места с низким давлением.

Я терплю поражение, но я дорого продам свою

жизнь. Я оказываю воздействие на стратегии противника, которые заняли места с высоким давлением. Я не отступаю.

Я в отчаянии. Берегись. Атака или подготовка атаки на превосходящие силы противника.

Ты потерпел поражение. Умения нет необходимости тебя атаковать. Армостия противника практически истощена. Занимаем оборонительную позицию.

Ты должен атаковать меня, или ты потерпишь поражение. Операция, которая очень сильно уменьшает армостию противника.

Ты добился незначительного успеха. Я продолжаю борьбу после потери слабого места.

Успех, к которому ты стремишься, не имеет большого значения. Мы не оказываем помощь нашему слабому месту, которое атакует противник, но

постараемся продать как можно более дорогой ценой. Энергичные контратаки и другие активные действия.

А не сильнее Б. Давайте сравним их. Б вступает в борьбу с А. Ни одна из сторон не отступает.

Я признаю, что А сильнее Б. Б уходит от угрозы А, отступая или присылая дополнительные силы.

Меня не интересует, сильнее ли А, чем Б. Б отбивает атаки А, но не предпринимает никаких усилий для контратаки.

Я хочу тебя уничтожить. Операции, нацеленные на истощение армии противника.

Я хочу заставить тебя отступить. Концентрация давления на позиции противника, при этом мы не пытаемся затруднить ему отступление.

Я хочу, чтобы ты понес серьезные потери. Готовим мощ-

ную атаку, одновременно нанося ущерб армии отступления противника.

Ты сильней, но у тебя нет права требовать так много (от меня или от судьбы). Мы входим в несколько мест с сильным давлением, чтобы затем перейти в атаку, хотя очевидно, что мы слабее. Эта атака направлена на те силы противника, которые собираются занять позиции, представляющие для нас очень большую угрозу.

Я использую настоящий момент. Прилагаем большие усилия.

Момент кризиса еще не настал. Никаких усилий не прилагаем.

Скоро наступит кризис. Занимаем точки с маленьким давлением, из которых можно оказывать воздействие на противника, не прилагая больших усилий.

Я знаю, что удержать позицию трудно, но сделаю все, что смогу. Тяжелая обо-

рона. Слабая контратака. Отступаем оттуда, где не можем удержаться.

Конечно, величина, вид и расположение слабых мест, давления, защитных укреплений и т. д. могут очень сильно различаться, и это делает язык маневров бесконечно многообразным. Поэтому мы не можем вдаваться в детали, да это и не нужно. В наших рассуждениях важно то, что этот язык существует и что его можно выучить. И то и другое вынужден признать даже самый отъявленный скептик. Ведь и в борьбе за существование используется язык без слов, выражающийся в движениях тела и рук, в мимике, в блеске глаз, и этот язык хорошо понимают даже животные. Мы свидетели возникновения новых подобных языков, например, языка дуэлянтов на пистолетах, в котором движение руки к бедру понимается как начало атаки, а поднятая вверх рука как отказ от атаки.

В основе каждого маневра находится конкретная идея, и наоборот, всякому представлению о природе слабых мест, функций отдельных страт, давления и т. д. соответст-

вует ряд маневров. Полководец составляет свое суждение о каждой из этих величин, и его решение является следствием его суждения. В его голове происходит соответствующий мыслительный процесс. Сначала анализ ситуации, потом желание взять ситуацию на поле боя под свой контроль и в конце – поиск маневров, соответствующих поставленной им перед собой задаче.

В основе каждого маневра находится конкретная идея, и наоборот, всякому представлению о природе слабых мест, функций отдельных страт, давления и т. д. соответствует ряд маневров.

Следовательно, действу на поле боя сопутствует еще одно действие. Бой – это физическое явление, а сопутствующее действие – явление идеальное, это дискуссия, которую ведут полководцы языком маневра. Победа на поле боя одновременно означает идеиную победу в споре мыслей.

Сопутствующее действие можно сравнить с математическим трудом, судебным

процессом или работой законодательного органа. Если первоначальное действие – это борьба между тремя и более сторонами, то такой же может быть и сопутствующее действие. Такая борьба напоминает словесную дискуссию в парламенте. Но, как правило, речь идет о борьбе между двумя сторонами и решении задачи одной стороной. Таким образом, основным прототипом сопутствующего действия можно считать правовой спор или математическую задачу.

Бой – это физическое явление, а сопутствующее действие – явление идеальное, это дискуссия, которую ведут полководцы языком маневра.

Для этих типов борьбы действуют два принципа: принцип работы и принцип бережливости.

В правовом споре каждая из сторон выдвигает свои претензии. Одна сторона обвиняет, утверждает, приводит аргументы в защиту своих утверждений. Другая сторона защищается, старается разбить утверждения обвиняющей стороны и выдвигает контроб-

винения. Пункт за пунктом объективный судья оценивает все аргументы сторон. И выяснив все важные моменты, он выносит свое решение. Сведения, которые к делу не относятся, он оставляет без внимания. Он учитывает противоречия. Следовательно, он настаивает на применении принципа ценности. Хорошие адвокаты не прилагают лишних усилий. Тем самым они признают принцип бережливости.

Примерно то же самое и в математической теореме. Ее жизнеспособность зависит от способности служить познанию истины. Следовательно, здесь действует принцип работы. Доказательство должно быть максимально кратким, а его информативность максимальной. Следовательно, здесь действует принцип бережливости.

Если основное действие конструктивно, то сопутствующее действие не может быть деструктивным. Это можно доказать следующим образом. Любой аргумент, который можно выдвинуть в сопутствующем действии, находит свое выражение в маневрах и наоборот. Потому что в принципе неважно,

сообщаем ли мы наши мысли вербально или посредством действий. Поэтому деструктивный маневр не может быть конструктивным в другом действии, происходящем параллельно с первым.

Теперь давайте рассмотрим борьбу за существование. Участники этой борьбы предпринимают различного рода атаки, оказывают давление друг на друга, обороняются и контратакуют, в общем, мы видим очень разнообразную картину борьбы. Сопутствующее действие здесь – это мыслительный процесс, своего рода критика, которой подвергается любой жизненный процесс. Если на нас оказывается давление, мы спрашиваем, на каком основании. Если нам предъявляются требования, мы хотим знать, на чем они основаны. Если провозглашается истина, наш внутренний голос настаивает на ее оценке. Если предъявляются доказательства, мы исследуем их на предмет прочности логики. Во всех этих процессах сторона, которая в ходе борьбы за существование намерена атаковать или оказывать давление, должна отвечать на критику.

Следовательно, атакующая в основном действе сторона должна обороняться в сопутствующем действе. Это общее условие. Когда противник переходит в атаку, обороняющаяся сторона задает вопрос: оправданна ли эта атака, логична ли она? И если он приходит к выводу, что атака неоправданна, то должен выразить свою оценку через соответствующий маневр или хотя бы иметь такое намерение. При этом атакующая в дейст-

Атакующая в основном действе сторона должна обороняться в сопутствующем действе.

ве сторона должна отвечать на критику. Атакующий размышляет, с помощью каких маневров можно разбить утверждения противника. Как если бы он стоял перед судьей, который обвиняет его в том, что он решил применить насилие или собирается применить насилие. Обвинение записано на языке маневров, который мы используем только в разговоре с воображаемым судьей. Его защита состоит в его контрманеврах. Успех или

неудачу атаки будет назначать судья в зависимости от того, признает или не признает он правоту истца, защитника действия.

Задачник любого действия исходит из принципа бережливости. Он не прилагает усилий, если его не вынуждают к этому действия противника. Там, где это возможно, он не изменяет дислокацию страт. Он уступает давлению, но лишь настолько, насколько позволяют силы. Поэтому его стратегию легко понять и исполнить.

Задачник любого действия исходит из принципа бережливости. Он не прилагает усилий, если его не вынуждают к этому действия противника.

Следовательно, тот, кто атакует в основном действии, должен обороняться в сопутствующем действии. Поэтому он действует так, чтобы его маневры при переводе на язык сопутствующего действия отвечали принципу бережливости. Он без помех продолжает начатую атаку, если маневры обороны не заставляют его изменить ее. Только в этом случае атакующий совершает усилие в

сопутствующем действе, формулируя новую идею. И так же логично и экономно он продолжает действовать в сопутствующем действе вплоть до принятия решения.

Этот принцип, определяющий стратегию атакующего, называется «принципом справедливости и логики». Ведь в борьбе за существование речь всегда идет о справедливости и логике агрессивных действий. Поэтому мы позволяем себе продемонстрировать эту картину в виде спора, разворачивающегося перед воображаемым судьей.

В соответствии с этим принципом оптимальные маневры атакующей стороны известны заранее. Если действительно существует лишь одна возможность выполнить задачу экономно, соответственно существует и только одна возможность провести логичную и справедливую атаку.

Тем самым мы достигли поставленной цели. Ведь каждое действие состоит из маневров развертывания, атаки и обороны. Следовательно, сформулированные нами постулаты объясняют суть любого процесса в действе.

Суть торговли состоит в следующем: мы привозим вещи оттуда, где их много, туда, где они используются (Эмерсон). Если фирма действует исходя из этой задачи, ее существование оправданно. И лишь до тех пор, пока она доказывает свою оправданность, она имеет право на существование. Коммерсанта, который хочет добиться большего, чем объективного результата своей работы, можно сравнить с полководцем, который слишком много ждет от использования маленькой слабости противника. У них преувеличенные желания, и это может иметь для них роковые последствия.

У оратора должна быть идея.

Его цель – не разбудить интерес, интерес уже присутствует, он должен переработать имеющийся исходный материал. В каждом своем предложении он должен (в соответствии с принципом работы) гово-

рить нечто новое и важное. Он должен систематизировать свои мысли (в соответствии с принципом бережливости) таким образом, чтобы в любой момент использовать мыслительные способности слушателей для понимания его аргументов. Он должен (в соответствии с принципом справедливости) бережно расходовать возможности речевого

У оратора должна быть идея. Его цель – не разбудить интерес, он должен переработать имеющийся исходный материал.

воздействия, образности и всю силу приберачь для тех мест, в которых он хочет произвести самое сильное впечатление. Он должен распалять воображение слушателей, соблюдая при этом меру.

Учитель и врач – это своего рода замена органов, которые природа еще не создала. Человеку, находящемуся на низкой ступени развития, не нужен учитель и врач, они

у него внутри. Его тело создано таким образом, что во время сна и в состоянии покоя живущий у него внутри очень мудрый, ловкий и изобретательный врач определяет все неполадки в организме и исправляет их. В мозгу у человека живет древний инстинкт, ставящий полезные задачи и не позволяющий разбазаривать силу ума на фантазии. У современного человека природа еще не успела создать инстинкт учителя и врача, приспособленный к сложным условиям современной жизни.

Учитель, живущий в мозгу человека, не наказывает своего ученика. Он вызывает желания, для исполнения которых необходимо усилие.

К сожалению, наши учителя и врачи не воспринимают себя в качестве органов. Иначе они использовали бы уже созданные природой подобные органы в качестве образца и работали бы более эффективно.

Врач, находящийся внутри организма, всегда бодрствует и действует. Он препятствует вторжению вражеских бацилл, бо-

рется с ними, если они все-таки проникли в человеческий организм, и готовит противоядие, которое ослабляет противника. Он не плохой стратег и вмешивается только тогда, когда это действительно необходимо. Но в этом случае он вмешивается решительно и когда больной мечется в горячечном жару, использует все свои силы, чтобы одержать победу над врагом.

Для того чтобы ввести в организм больного лекарство, он использует не насилие, а аппетит.

Если на человеческую расу напала новая болезнь, он учится побеждать ее. Со временем она теряет свою вирулентность и исчезает.

Учитель, живущий в мозгу человека, не наказывает своего ученика. Он вызывает желания, для исполнения которых необходимо усилие. Неважно, приводит это усилие к успеху или нет, в любом случае это – урок, и этот урок остается в памяти: как использовалась сила, какие препятствия приходилось преодолевать и насколько они были трудными. В конце он систематизирует эти

уроки, чтобы их можно было легко вспомнить.

Говорят, что музыка – это выражение радости. Я так не думаю. Радость вызывает ритмическое движение, особая функция музыки – выражать желание и страх. Миллионы ощущений желания и страха, которые мы наследуем и которые откладываются в нас в процессе жизни, запускаются через музыку, и мозг слушателя непроизвольно создает представления, которые дают конкретную жизнь разбуженным музыкой ощущениям. Без сомнения, этот процесс подчиняется определенным законам. Музыкальные критики и поэты знают эти законы, хотя и не могут дать им точного определения. Поскольку музыка воздействует на настроение в соответствии с определенными законами, мы можем считать ее своего рода телеграфом. Каждому звуку соответствует конкретное чувство и картинка, музыкальному произведению – ряд чувств и картинок, которые с калейдоскопической

быстрой меняют друг друга, рассказывая сказку или сон. Опытный композитор должен подобно опытному оратору соблюдать три принципа борьбы. Гармония – это выражение обороны. Она поглощает минимум нервной энергии. Ей соответствует спокойное течение рассказа. Дисгармония агрессивна, следовательно, она должна быть обоснована и оправдана. Она вносит в рассказ момент борьбы. Сила звука – это естественное выражение чувств, страсти. Мелодия – тема рассказа. В сопутствующем действии музыкального произведения, арена которого – настроение музыкально-критического слушателя, исследуется логика рассказанного сна и оценивается оправданность произведенных воздействий на чувства согласно своего рода музыкальной морали. В жизни аморально каждое действие, которое содержит в себе элемент неоправданного предпочтения. Так же и в музыке. Надо только научиться понимать телеграфный язык ее знаков, чтобы уметь читать отдельные параграфы свода ее законов. А для этого надо изучать психологию человека.

Приведенные здесь взгляды в той или иной форме можно найти в некоторых интересных критических статьях о творчестве замечательных композиторов. Так, Лоренс Гилман в своей рецензии на творчество Клода Дебюсси в журнале «Норт Америкэн Ревью» за 1906 год на стр. 881 пишет: «...Он делает вещи, кажущиеся почти что анархическими тем, чья задача высоко нести знамя старых правил искусства. Но если мы понимаем его язык, мы понимаем и ненавязчивую, но неумолимую логику его музыки». В своей рецензии на оперу «Пеллеас и Мелизанда» критик говорит: «Невозможно представить себе это произведение в сочетании с другой музыкой, ...более того, слушая это лирическое произведение, трудно оторваться от его музыкального сопровождения». Следовательно, в музыке мы находим подтверждение постулата об однозначности оптимальных действий. Далее критик пишет: «Его оркестр – это точное отражение изменяющихся чувств в тексте и в действии,

но в первую очередь посредством намеков, а не ударений... Ноты, выражающие страсть, борьбу, трагедию, не могут быть слишком сильными. Его персонажи любят и желают, испытывают триумф, ненавидят и умирают с удивительной бережливостью и проникновенностью, ...но в кульминационные моменты ...музыка удивительно тонко передает драматизм и кризис чувств».

И

мя Ласкера появилось в моей шахматной жизни сравнительно рано и связано было с одним из его поражений. Эта партия была опубликована в «Учебнике шахматной игры» Я. Дуфресне (J. Dufresne). Чаросек (Charousek), который победил в этой партии, играл превосходно, а вот Ласкер черными – не столь убедительно. Эта книга, полученная от дяди на рождество 1941 года, стала для меня замечательным подарком. Дядя хорошо знал стремление племянника в игре изучать проблемы и пытаться найти их решение. На обложке были изображены шахматные фигуры, освещенные настольной лампой. На титульной странице было написано: «Пятнадцатое, исправленное издание» и запись первого хода «e2 – e4».

Я читал, разбирал партии, запоминал имена великих шахматистов, которым я собирался подражать. Откуда-то появилась еще одна книга : «Международный шахматный турнир шахматного клуба в Нюрнберге... 1896 год». Победитель – Эмануил Ласкер из Лондона – намного опередил Чаросека (Charousek). Я захотел проверить: «Не тот ли самый..?» Да, точно он. Почему же тогда именно проигранная партия, а не одна из множества красивых побед? И ни строчки про Ласкера в приложении со списком имен.

Любопытство и страсть к собирательству помогли докопаться до истины. У одного из одноклассников оказалось 13-е издание книги Дуфресне, вышедшее несколькими годами раньше. В ней на странице 720 можно было прочитать: «Ласкер, Эмануил, доктор философских наук, родился в 1868 году в Берлинхене, Ноймарк, в 1894 одержал победу над прежде непобедимым чемпионом мира Стейницем. Занял первое место в Нью-Йорке в 1893 году, в турнире четырех в Санкт-Петербурге в 1896 году, в Нюрнберге (1896 г.), в Лондоне (1899 г.), в

Париже (1900 г.), в Санкт-Петербурге он разделил первое-второе место с Рубинштейном. В гроссмейстерском турнире 1914 г. (Санкт-Петербург) он стал первым, опередив Капабланку. В 1923 году он занял в моравской Остраве первое место, в очень сильном по составу турнире в Нью-Йорке он опередил Капабланку и стал победителем. В Московском турнире 1925 года он был вторым. В 1908 году он выиграл матч у Тарраша и свел вничью в 1908 году (правильно: в 1911 году) матч против Шлехтера. В 1921 году он проиграл Капабланке. Стр. 67, 139, 147, 342, 401, 428, 631, 648, 699 и др.»

В этом издании я нашел также множество имен других мастеров. Мне они уже встречались раньше, но их не было в моем издании учебника. Лишь много позже я понял, почему. Из учебника убрали всех евреев. «Специальный сервис» издательства Reclam. Таким образом из книги исчезла целая группа известных шахматистов вместе с их лучшими партиями. Самым выдающимся из них, бесспорно, был Эмануил Ласкер, партии и судьба которого оказали большое влия-

Эмануил Ласкер • Борьба

ние на меня и мое мировоззрение, мое стремление к толерантности.

*Лотар Максимилиан Шмид,
директор и один из собственников
издательства «Карл Май» (с 1952 г.),
международный гроссмейстер,
международный судья ФИДЕ*

Эмануил Ласкер (1868–1941) – второй в истории шахмат чемпион мира (1894–1921), шахматный теоретик и литератор, доктор философии и математики (1902). Среди побед Ласкера в крупнейших турнирах: Санкт-Петербург (1895/1896, 1909 и 1914), Нюрнберг (1896), Лондон (1899), Париж (1900). Автор философских работ «Борьба» (1907) и «Постижение мира» (1913), о которых с похвалой отзывался Альберт Эйнштейн. Ласкер первый и в то время единственный оценил значение психологических факторов борьбы.

Кничечка о борьбе – о теме, которую в эпоху нынешней европейской политкорректности не слишком принято обсуждать. Текст великого шахматиста, игру которого отличали тонкая стратегия и яркие комбинационные замыслы, глубокий анализ, высокая техника и психологический подход к сопернику. Замечания Ласкера о стратегии и тактике, о принципе экономии сил, о равновесии и превосходстве, о логике борьбы за существование и о принципе справедливости, несомненно, представляют интерес. Логика давно выброшена за рамки школьных программ, и знакомство с текстом Ласкера лишний раз позволяет заключить, что это, скорее всего, немалая потеря.

ISBN 978-5-9739-0096-0

9 785973 900960